

**Странники
реальностей. Книга
3.1**

Леон Василевски

Леон Василевски

Странники реальностей. Книга 3.1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70111090

SelfPub; 2024

Аннотация

Пётр Анджан продолжает сновать между параллельными реальностями, получая проблемы на свою пятую точку. Его друзья, выброшенные вместе с ним в новый мир, решили обосноваться в Испании. Анджан создаёт для себя и своих друзей комфортную базу в Испании образца 1918 года. В подземелье возле Портала Пётр обнаруживает архив с древними рукописями. Среди обнаруженных свитков находился дневник другого хранителя Врат и описание путешествия того по мирам. Благодаря этому дневнику Пётр приобщился к тайной любви латгальского купца и русской княжны и получает сведения о величайшей фальсификации в истории Руси.

Леон Василевски

Странники

реальностей. Книга 3.1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ослик Иа, мерно цокая подкованными копытцами, не спеша поднимался по крутой тропе, ведущей в пещеру Сенистре. Тринадцатилетний погонщик Мишенька с трудом поспевал за животным, идущим, казалось, ленивой трусцой. Иа нёс два объёмных плетёных короба на своих округлых боках. Ослик то и дело останавливался, делал полуоборот назад, чтобы из-за объёмистой поклажи посмотреть и убедиться, что его так называемый погонщик не отстал. Если же животное видело, что его двуногий друг находился далеко позади, то останавливался и ждал парнишку. Где-то в середине двухкилометрового подъёма Иа останавливался, дожидался уставшего Мишу и брал того на буксир.

Войдя в обширный природный холл пещерного комплекса, вьючное животное направлялось напрямиком к выдолбленному в нише корыту, куда Мишенька наливал воды. Ослик сразу пить воду не начинал, а терпеливо выжидал, когда

установится нормальное дыхание. Только после этого принимался с шумом всасывать в себя спасительную влагу.

В это время мальчик убегал вглубь пещеры и возвращался уже в сопровождении отца. Вдвоём они снимали поклажу с ушастого носильщика и водружали на двухколёсную тележку.

Пока отец, русский эмигрант Александр Зубарев, отвозил в складскую пещеру первый короб, пацан доставал из ниши морковку и скармливал её своему четвероногому другу. Затем он доставал спрятанный тут же в нише мешок с дроблёным ячменём, засыпал хорошую порцию в кормовую сумку и вешал её на нос ослика. Пока тот поглощал питательный корм, паренёк в деревянных яслях готовил для Иа «второе блюдо»: смесь соломы, люцернового сена и отрубей.

Вскоре возвращался отец, и они уже вдвоём отвозили второй короб на склад. Миша никогда не покидал входную пещеру, не погладив по морде своего ушастика и не поцеловав того на прощание в пушистый нос. Иа же провожал друга протяжным криком вслед скрывающейся в проходе фигуре мальчика. От этого вопля закладывало уши в замкнутом пространстве грота.

Русский офицер Александр Васильевич Зубарев, выпуск-

ник Медицинского факультета Киевского университета и ветеран Первой мировой войны, вытащил счастливый билет уже на второй месяц пребывания в Испании.

Он, ветеран Русского экспедиционного корпуса, получил ранение в одном из боёв под Реймсом на Западном фронте и проходил лечение в Барселонском госпитале Красного Креста. По выздоровлению ветеран оказался на распутье. Путь домой, в Россию был заказан. Там произошло две революции, к власти пришли большевики, и потомственного дворянина там ничего хорошее не ждало. Он мог вернуться во Францию, где ему было обещано французское подданство, и он даже подал прошение во французское консульство об оказании материальной помощи для переезда туда его и приёмного сына Михаила (Мишеля).

Паренька, близкого к дистрофии, отыскивали солдаты его батальона среди развалин дома в пригороде Реймса и принесли в полевой госпиталь. Этим госпиталем командовал Александр в чине капитана. Общими усилиями медперсонала мальчика поставили на ноги и откормили. Во время острой фазы немецкого наступления на Париж через Реймс в окопах оказался даже персонал госпиталя во главе с его начальником.

В том бою капитан Зубарев получил тяжелое ранение и

наверняка попал бы в плен к немцам, которые обошли французский опорный пункт и зашли обороняющимся в тыл. Но Мишель, в то время уже носящий официальное имя Михаил, по глубокому оврагу вытащил на себе раненого капитана из окружения.

Александр официально усыновил мальчика, чтобы тот мог сопровождать его к месту излечения. Таким образом, Александр Васильевич и Михаил Александрович Зубаревы оказались в Барселоне.

Счастливым же билетом для Александра стало предложение работать в компании «Каталонская фармацевтическая лаборатория» Петра Анджана и Фёдора Козырева.

Познакомились компаньоны Лаборатории и Зубарев на проспекте Рамбла. У одного из гуляк случился приступ эпилепсии. На его счастье, Александр Зубарев прогуливался с сыном недалеко от того места и оказал несчастному первую помощь. Он вложил в рот извивающегося в конвульсиях испанца свою вересковую курительную трубку. При помощи Миши он удерживал припадочного, пока не прекратились конвульсии.

Пётр оказался свидетелем оперативных действий Зубарева. Он познакомился с ветераном, разговорил того и пред-

ложил земляку место лаборанта в компании. Александр получил в своё распоряжение всю документацию, касающуюся производства пенициллина, распечатанную ещё Мартой в дореволюционной орфографии.

Профессиональный медик пришёл в восторг от перспектив, открывающихся от применения антибиотика при лечении ран и серьёзных травм.

– Пётр Антонович, – обратился он к Анджану, – как так получилось, что препарат, изобретённый в 1913 году, прошедший все этапы испытаний, так и не был внедрён в производство? Вы же столько жизней спасли бы во время войны!

– Всему виной косность чиновников Департамента здравоохранения, – пришлось солгать Петру. Не мог же он сказать, что пенициллин успешно применяется в других параллельных реальностях. – Они посчитали, что препарат не прошёл достаточной проверки.

– Сволочи! Чинуши беспардонные! – В сердцах воскликнул боевой офицер.

К работе Зубарев приступил буквально на следующий день вместе с сыном, принятым на работу чернорабочим. Бывший военный врач переквалифицировался в микробио-

лога и фармаколога. Пётр снабжал нового работника научной литературой, которую Зубарев читал запоем. Через два месяца он занял должность начальника цеха по производству пенициллина.

Несмотря на высокую должность, Александр лично посещал плантацию грибка в пещере Сенистре к моменту его созревания и контролировал степень его готовности. Он же лично и при помощи лаборанта производил «сбор урожая», фильтрацию и транспортировку его в цех в Барселону. Все работы производились строго по выработанному графику.

В остальное время в пещере дежурил лаборант, тоже русский иммигрант из Харькова Бабурин Григорий Тимофеевич. Студент второго курса Медицинского факультета Харьковского университета добровольцем-вольноопределяющимся ушёл на фронт и служил санитаром стрелковой роты. В ходе войны он переквалифицировался в стрелки. В 1916 году молодой прапорщик попал в плен и оказался в лагере Констанц на юге Великого Герцогства Баден. Германию и Швейцарию в этом месте разделяло лишь неширокая речка Озёрный Рейн, соединяющая верхнюю и нижнюю часть озера Боден. Через месяц прапорщик бежал из плена. При пересечении речки вплавь Григорий поймал плечом пулю немецкого пограничного патруля, но до швейцарского берега всё же доплыл.

Беглец своими силами добрался до ближайшего швейцарского селения, откуда был переправлен на подводе сердобольным крестьянином в ближайший городок под названием Терервилен. Там местный врач извлёк пулю, обработал и перевязал рану. Доктор оказался порядочным человеком и не сдал беглеца властям.

Через неделю более-менее восстановившийся парень оказался переправленным во Францию, где обратился в Красный Крест. Санитарным поездом Григория, получившего осложнение после трёхдневного путешествия через всю Швейцарию, отправили в Испанию. Ехал он туда в одном вагоне с Александром Зубаревым. Мало того, их кровати оказались рядом.

Зубарев предложил Петру кандидатуру Григория в качестве своего помощника на плантацию пенициллиновой плесени в пещере горы Монсеррат. После повышения Александра по службе, Бабурин стал, по сути, главным в питомнике. В подчинении у него находился упомянутый выше Михаил и осёл Иа, переименованный так Мишей после прочтения сказки «Вини Пух и его друзья» в советской интерпретации. Ослик не сразу, но стал отзываться на новую кличку.

В своё время Марта, очарованная серией советских мультфильмов,

тиков о Вине Пухе, составила сборник сказок об этом симпатичном медвежонке для своих учеников и напечатала его небольшим тиражом в двинской типографии. Пётр сознательно не проинформировал девушку, что та слямзила материал у Алана Мильна, который являлся настоящим автором этих сказок. Так как он, возможно, издаст свою серию только в 1926 году, то Анджан посчитал, что деяние Марты не является плагиатом в той реальности 1913 года.

Александр Зубарев прибыл специально для сбора плесени с поверхности питательного раствора и его фильтрации. Ослик в компании с сыном Мишей привезли контейнеры-термосы для транспортировки сырья, пересланные по железной дороге из центральной лаборатории-цеха.

В этот раз Александр добрался из столицы Каталонии раньше, чем груз, который по непонятной причине задержался в пути. Начальник цеха не стал дожидаться приезда контейнеров. Он вместе с сыном на Ио поехали в пещеру, а на следующий день вновь послал сына на станцию, чтобы получить емкости и доставить их в пещерный питомник.

Цех по производству стрептоцида находился в соседнем помещении. Этим цехом заведовал Фёдор. Он же выполнял роль мастера-наладчика. Парню активно помогала Ревекка, служащая лаборанткой. Ольга трудилась в офисе компании

и занималась работой с клиентами в отсутствие Петра. Девушка поразительно быстро освоила испанский и каталанский языки, изучила основы менеджмента и маркетинга. Она успешно заменяла шефа во время нахождения последнего в турне по реальностям.

Первая мировая война еще продолжалась, и до 11 ноября оставался ещё целый месяц. Поэтому в тыл воюющей Франции шли сплошным потоком больные и раненые, часть которых пересылали в Испанию. Госпитали Красного Креста на Иберийском полуострове всё также были до отказа забиты фронтовиками. Красный Крест Испании стал первой организацией, рискнувшей использовать новоявленные препараты при лечении солдат и офицеров. Получив массу положительных результатов, они распространили свой опыт на филиалы Красного Креста во Франции, Швейцарии и Португалии. Поэтому медикаменты, производимые компанией «Каталонская фармацевтическая лаборатория» оказались заказанными на несколько месяцев вперёд.

Пётр солидными партиями переносил в Барселону препараты, изготовленные как в мире 1913 года, так и в реальности 1953, чтобы удовлетворить повышенный спрос. Роберт с удовольствием помогал Анджану транспортировать лекарства в Испанию.

Берг делал это не столь в пользу совместного бизнеса, сколько из-за возможности в очередной раз повидаться с Ольгой. Роман двух молодых людей развивался бурными темпами, и было совершенно неизвестно, чем всё завершится: Ольга не могла переместиться в реальность 1913 года, а Роберт не мог оставить Марту одну в том мире и перебраться в Барселону. Все махнули руками на будущую проблему и позволили событиям идти своей чередой.

Даже Марта, первое время бурно реагирующая на постоянные отлучки Роберта не из ревности, а от обиды, что её не берут с собой, в конце концов смирилась с постоянными отлучками брата. Девушка ревновала больше к фармацевтическому бизнесу компаньонов в разных мирах, потому что из-за бурной деятельности на этом поприще Пётр практически не имеет возможности выделять время для общения с девушкой. И бессердечный болван не берёт её с собой в путешествия по реальностям!

Пётр не зря установил точный график-цикл посева, сбора и транспортировки плесени. Сбор урожая производился точно через определённый промежуток времени. В этот день Зубарев и Бабурин собирали созревшую плесень, фильтровали её в контейнеры-термоса. После этого они грузили материал на ослика и спускались в городок Соллбато в сопровождении Миши. Затем троица и Иа пробирались одина-

дцать километров горной дорогой до городка Монестроль Вилья, переходили по старинному готическому мосту до узкоколейной железнодорожной станции Монестроль де Монсеррат. Там дожидались маленького состава и отправляли материал в Барселону в сопровождении Александра Зубарева. После чего Бабурин пешком, а Миша верхом на Иа возвращались в пещеру. Вначале для перехода по горным тропам брали проводника из местных, но потом у них появился свой собственный гид: ослик Иа, который первым запомнил путь до железнодорожной станции и обратно.

В то время, когда они осуществляли все эти мероприятия, а пустующая лаборатория в пещере запиралась на врезной замок, Пётр один или в сопровождении Роберта появлялись в гроте из Тоннеля Спасения или входили в него. Иначе трудно было бы объяснить появление начальства из ниоткуда или исчезновение их в никуда.

Выйдя из портала, путешественники направлялись не вниз, к городку Соллбато, а наоборот, поднимались наверх, в монастырь Санта Мария де Монсеррат. Там Пётр встречался с аббатом Антони Марсетом и его казначеем. Вручал им очередную сумму пожертвования. А затем компаньоны по зубчатой железной дороге, носящей название Кремальера, съезжали вниз до станции Монистроль де Монсеррат. Там они пересаживались на обычную узкоколейную дорогу и без пе-

ресадок добирались до Барселоны.

У Петра, как в мире 1913, так и реальности 1953 годов имелись электронные хронометры, настроенные на дату и время реальности Барселоны. Поэтому он мог точно рассчитать момент появления в мире 1918 года.

Ольга Александровна брала выходные на время появления Роберта в Барселоне, и влюблённые уезжали в очередное путешествие по этой чудесной стране солнца, вина и душевных людей. Пётр снабдил Берга документами, к которым невозможно было подкопаться, и тот мог безбоязненно навещать любой город Испании.

Поразительным оказался тот факт, что одна – третья часть от бывшего интеллекта Ольги окончательно подавила сознание Старика. В мозгу девушки исчез как образ, так и понятие «Наставник». Теперь и Пётр обращался к телепатическому собеседнику только «Оля». Они перестали быть ментальными симбионтами, но какие-то настройки, произведённые Наставником, всё же остались в мозгу Петра. Он не утратил ментального контакта с Ольгой и способность входить во Всепланетную Информационную Сеть. Также он продолжал видеть сеть-схему Тоннелей Спасения. Ни Анджан, ни Ольга не признались Роберту об их возможности телепатического общения между собой. Роберта, чтобы

оградить от стресса, также не посвятили в тайну реинкарнации графини Головиной.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Марте, наконец, удалось уговорить Анджана показать ей его родной мир. Пётр поворчал для проформы, но согласился. Договорились посетить его в последней декаде октября. На двадцать первого и двадцать второго октября выпадали идущих друг за другом два неприсутственных (праздничных) дня и следующее за ними воскресенье.

Никаких трудностей с переносом девушки в XXI век не предвиделось. Уже девятнадцатого января 2018 года девушка мирно попивала кофе перед огромным экраном телевизора, переживая за героиню американского триллера. В это время Анджан пытал продавца готового платья в торговом центре, выбирая наряд для Марты согласно её параметрам, записанным в блокнот. Следовало поспешить. Как только Анджан появился в колонном зале подвального помещения своего мира, его мобильник разродился писком получаемых сообщений. Среди нескольких десятков месседжей выделялись несколько тревожных сигналов от внучатого племянника Казимира.

Казимир Неверовский выполнял роль торгового представителя Анджана по продаже предметов старины: раритетного холодного и стрелкового оружия, предметов антиквариата, старинных монет и банкнот. Всё это Пётр таскал из параллельных миров. Антиквариат расходился по Европе и переправлялся контрабандистами в Россию и другие республики бывшего СССР. Вот и в этот раз Анджан прихватил с собой объёмную сумку со старинным оружием и различными безделушками восемнадцатого и девятнадцатого веков. Этот вид бизнеса существовал уже более пяти лет по местному летоисчислению и приносил немалый доход Петру и хороший процент от реализации Казимиру.

Несколько партий старинного огнестрельного оружия Казимир успел переплавить в США сыну Петра. Реализация десятка пистолетов времён от Петра Первого до Наполеона принесла доход, равный его пятилетнему годовому жалованию в американо – английской компании. Все предметы старины ввозились в Штаты официально и с соблюдением всех таможенных процедур.

И вот сейчас Пётр прочитал три сообщения от Казимира с просьбой немедленно встретиться. Поэтому Анджан старался побыстрее пробежаться по торговым точкам и закупить всё необходимое, чтобы сформировать для Марты гардероб XXI века. Он планировал взять девушку на встречу с пле-

мянником. Марта в интернете нашла образцы платьев, обуви и аксессуаров, которые она хотела бы заполучить. Анджану оставалось только показывать продавцам распечатанные на принтере образцы и озвучивать необходимые размеры.

Марта, схватив в охапку все покупки, вихрем унеслась в выделенную ей спальню и вернулась через полчаса переодетая и довольная обновками. Новый образ девушки пришёлся по вкусу и Анджану. Он не удержался и сфотографировал очаровательную блондинку.

Пётр и Казимир договорились встретиться в ресторане «Губернатор», как будто для дружеского обеда. Для чего племянник взял на встречу свою жену Арину.

Для Петра осталось большой загадкой: о чём без умолку трещали друг с другом девушка из сороковых годов XX века и женщина начала XXI века. Дамы влёт нашли общий язык и не мешали бизнесменам обсуждать свои вопросы. А проблемы нарисовались нешуточные. На Казимира наехали бандиты и налоговики.

Тех и других заинтересовали источники появления у парня антикварных предметов и денег. От налоговиков вроде бы удалось отбрехаться, и те, как будто поверили, изучив липовые накладные и квитанции на покупку товаров старины.

Инспекторы сделали копии всех закупочных документов, и стало ясно, что за племянника взялись всерьёз. Выяснить, что представленные Казимиром оправдательные документы в большей своей части липовые, не составит большого труда, хоть и займёт некоторое время.

Криминальные визитёры оказались менее доверчивыми. Они вежливо (Как они сказали: «Пока вежливо»), но настоятельно старались вызнать у племянника реальный источник поступления редкого дорогого оружия высокой степени качества и сохранности. По заключению многочисленных экспертов, все экспонаты являлись оригинальными, а не новоделом. О каких экспонатах и о каких экспертах вели бандиты речь, они, естественно, не сказали, но намекнули, что им поступили сигналы из многих городов СНГ. Бандиты тонко намекнули, что Казимиру есть за что опасаться: крутая машина, богатый дом, красавица жена.

Пётр и Казимир пришли к выводу, что как бандюкам, так и налоговикам их кто-то сдал. За последний год два контрабандиста перестали приезжать за новой партией антиквариата и задолжали приличные суммы за проданный в России товар.

Анджан, ещё когда только решил замутировать этот бизнес, предполагал, что когда-то возникнут проблемы и с государ-

ством, и с криминалом. Но он не предполагал, что те и другие наедут одновременно.

– Дядя Петя, я не знаю, что мне сейчас делать, – признался Казимир.

Когда Марта услышала «Дядя Петя» из уст племянника, она чуть не рассмеялась в голос. Лишь присутствие незнакомых людей позволило ей сдержать смех. Дядя Петя выглядел даже моложе тридцати двухлетнего племянника.

– Да. Ситуёвина не фонтан, – заключил Пётр. – И те, и другие наехали конкретно. И если с налоговиками можно будет уладить вопрос, то братки так просто не слезут. Они предлагали тебе крышу, требовали платить мзду?

– Нет. Их интересовал только источник, – заверил Казимир.

– Значит, они пришли по указивке больших боссов антикварного бизнеса, которым мы явно перешли дорогу, – высказал предположение Анджан. – Скорее всего, мы серьёзно сбили цену своим оружием. Я уверен, что некоторые экземпляры мы сдавали раза в три дешевле их рыночной цены. Да и качество нашего товара отменное. Весь огнестрел почти как новенький.

– Может быть, – согласился племянник и поинтересовался. – Но что теперь делать? Тебя тоже могут запросто вычислить.

– Им трудно будет на меня выйти, если только ты не сдашь, – заверил Пётр.

– Скажешь тоже: «Сдашь!» – искренне возмутился Казимир. – Ты у меня единственный близкий родственник и благодаря тебе я имею всё, что сейчас имею.

– И кучу проблем вдобавок, – съязвил Анджан.

– А как без них, родимых, – развёл руками племянник.

– Вам есть куда уехать? – поинтересовался Пётр.

– Если только в Илуксту, – немного подумав, ответил Казимир, – к родителям жены.

– О да! Илукста – это выход! – выразил фальшивый восторг Анджан. – В этом «мегаполисе»: две улицы и переулок. Там тебя уж точно никто не найдёт!

– Больше некуда, – вновь развёл руками племянник.

– Дело дрянь! – резюмировал Пётр, – Если бандиты захотят, то вытрясут у тебя всё: кто тебе поставляет, кому ты передаёшь и сколько имеешь от продаж.

– Да я понимаю это, – подтвердил Казимир, – поэтому и бомбил тебе СМСки.

– Я могу тебя перевезти туда, где тебя никто никогда не найдёт, – предложил Пётр.

– В какую страну? – заинтересовано оживился Казимир.

– Пока я не могу сказать, – уклонился от ответа Пётр. – Но это будет такая страна, где вас ни одна б@ не найдёт, и вы сто процентов будете счастливы. Поговори с женой. Если будет ваше принципиальное согласие, то я вам выдам весь расклад.

– А как же дом, машина? – озаботился племянник, – Не бросать же всё это! Если же выставлю дом на продажу, то братки сразу же поймут, что я собрался слинять.

– Не беспокойся об этом, – успокоил Пётр собеседника, – Материально ты никак не пострадаешь.

В это время официант принёс вино, водку и холодные закуски и парням пришлось прервать беседу и уделить время дамам и еде.

– Где ты такую красотку отхватил? – шепнул Казимир, закусив после первой рюмки.

– Чья бы корова мычала, а твоя молчала! – отпарировал Пётр. – У самогоого жена, как только с подиума сошла!

– Чужая жена всегда слаще! – тихо хихикнув, ответил племянник.

В дальнейшем парни не касались вопросов бизнеса и полностью переключились на отдых в компании двух очаровательных созданий.

Разошлись через три часа. Неверовские поехали домой, а Пётр и Марта решили прогуляться по центру города. В Латвии стояли крещенские морозы. Пётр проявил дальновидность и уговорил Марту надеть шубу и меховую шапку перед переходом в эту реальность. Её наряд начала XX века, дополненный модными сапожками, смотрелся органично и в начале века XXI.

В советское время Даугавпилс относился к числу сред-

нестатистических городов. После развала СССР от стремительно растерял свой промышленный потенциал, а в дальнейшем – более трети своего населения. К 2018 году в городе едва насчитывалось восемьдесят тысяч жителей. По причине безработицы молодёжь и люди среднего поколения уезжали в основном на Запад в поисках лучшей доли для себя и своих детей.

Город не изобиловал популярными местами, имеющими славу туристической мекки, поэтому Пётр и Марта развлекались, отыскивая дома, существующие в мире 1913 года, а также в сороковых годах XX века. Марта рассказывала, что в них находилось в сороковые годы её мира.

Быстро выяснилось, что сохранилось множество построек тех времён, только большинство в изменённом виде. После Великой Отечественной войны здания восстанавливались чаще всего без прежних архитектурных изысков.

Город будущего, значительно облагороженный за европейские деньги, Марте понравился. В особом восторге девушка была от торговых центров и супермаркетов. С горящими от восторга глазами она прошлась по торговым рядам женской одежды и обуви и с трудом удерживала себя от желания купить ту или иную понравившуюся вещь. Лишь осознание, что все эти платья, обувь, дамские сумочки и всевозможные женские прибаамбасы невозможны для мира её по-

стоянного проживания, удерживали её от покупки очередной понравившееся вещи.

В 3D кинотеатре девушка визжала в голос от страха или восхищения, когда предметы, птицы, звери летели ей в лицо или неслись прямо на неё, или возникали буквально в метре от её кресла. Немногочисленные зрители вначале оборачивались на её вопли, но вскоре привыкли и перестали обращать внимание. Марта вышла из кинотеатра с широко округлившимися глазами и ещё долго приходила в себя после сеанса. Она взяла с Петра обещание завтра вновь сходить в этот кинотеатр и посмотреть другой стереофильм. Спать девушка, совершенно лишённая сил лавиной новых впечатлений, отправилась рано.

Казимир позвонил посреди ночи, когда Пётр уже спал. Возбуждённым, близким к панике, голосом он почти прокричал в трубку:

– Дядя Петя! Только что сожгли мою машину! Пожарные едва её потушили! Арина вся на измене.

– Вот что, Казик, успокойся, – Пётр постарался сбить приступ паники у собеседника. – Чёрт с ней с этой машиной! Утром созвонимся и договоримся о месте встречи. Успокой Арину. Скажи, что всё будет хорошо! И даже лучше!

Поговорив с племянником ещё минут десять и почувствовав, что тот успокоился, Пётр отключился.

Утром Анджан приготовил завтрак и разбудил Марту. Он сказал ей, что у Казимира возникли серьёзные проблемы и ему необходимо встретиться с племянником. Поэтому он оставит девушку на часок одну. Марта послушно согласилась. Было похоже, что она спросонья мало что поняла из объяснения парня.

Пётр встретился с Неверовскими в кафе «Весма». В раннее субботнее утро посетителей не было вообще. Они заказали для проформы по салатику, женщине вина, а себе пива.

Казимир с женой пришли на встречу напуганными до дрожи в коленках. Они ещё раз пересказали события сегодняшней ночи и сообщили о вызове в полицию в час дня. Племянник сегодня ночью рассказал жене о причине поджога машины, о наезде налоговиков, а также о предложении дяди перевезти их в безопасное и перспективное для жизни место. После фейерверка рядом с домом супруги были готовы уехать хоть к чёрту на кулички, только бы подальше от надвигающейся беды.

Пётр пообещал предоставить в их распоряжение шести-

комнатную квартиру для проживания. Предложил племяннику должность заведующего антикварным магазином, где Арина могла бы помогать мужу. Анджан также сообщил, что там, куда он их переправит, ему нужен человек, который будет представлять его интересы в нескольких товариществах и в крупном акционерном обществе. Казимир закончил Экономический факультет Московского индустриального университета, поэтому Анджан хотел бы видеть племянника на этой должности.

На вопрос, куда конкретно он их повезёт, Пётр не ответил. Он пояснил, что это большая тайна. Коль супруги не ведают, куда они поедут, то и не смогут никому ничего рассказать при любых мерах принуждения.

Пётр на десять минут оставил Неверовских, чтобы дать им возможность обсудить предложение, а сам наведалься в кондитерскую в квартале от кафе и закупил пирожных для Марты.

– Мы обсудили, дядя, твоё предложение, – заявил Казимир, когда Пётр вернулся в кафе. – Мы согласны. Что нам для этого нужно сделать и какие документы приготовить.

– Ничего особо делать не нужно. Без суеты и спешки снимите все деньги со счетов и на всю сумму купите золо-

тую ювелирку. Купите горячий тур куда-нибудь в Турцию или Египет на следующую неделю по любой цене. С собой соберите по чемодану, не больше.

– А что будет с домом? – впервые встряла в разговор Арина. – С мебелью?

– Дом мы не успели переоформить на вас, так что юридически он мой. Я вам выплачу за него и ваши мебелия всё до копейки, валютой той страны, в которую вас отвезу. – успокоил Пётр супругов.

– Когда планируется переезд? – поинтересовался Казимир. – Сколько у нас времени на сборы?

– Датой отъезда на новое место жительства будем считать день вашего полёта на отдых в тёплые страны, – объявил Анджан и добавил. – Приедете домой и сразу же ищите горящую путёвку. Как выкупите её, так сразу мне звоните.

В воскресенье – день недели, который совпал в обеих реальностях, Пётр переправил Марту в её мир чуть ли не силой.

– Я не понимаю вас, Пётр Антонович, – заявила девушка, когда они вышли из пролётки возле дома Бергов. – Зачем

вам другие миры? Вы родом из великолепного мира, далеко ушедшего в развитии как от моего мира, так и от мира Ольги Головановой. У вас там столько возможностей, в вашем распоряжении такие достижения человеческого разума, что дух захватывает! А вы кочуете по более примитивным реальностям и находите в этом удовольствие! Не понимаю!

– Уважаемая Марта Карловна, – быстро отреагировал Пётр, – вы пробыли там три дня и увидели только фасад. Уверяю вас. Там не всё так радужно и благолепно. Особенно в Латвии.

– В чём конкретно? – поинтересовалась Марта.

– О, Марта Карловна! – воскликнул Пётр. – За несколько минут это не объяснить и не рассказать!

– Так найдите время, чтобы всё подробно мне изложить, – решительно то ли попросила, то ли приказала девушка. – Будьте так добры!

– Постараюсь, Ваше Величество, – шутливо отпарировал парень.

– Уж постарайтесь! – милостиво позволила девушка, протягивая руку для поцелуя, – Спасибо, вам огромное за пре-

красное путешествие в ваш сказочный мир и до встречи.

Девушка скрылась в подъезде своего дома, а Пётр вскочил в ожидавший его экипаж.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вероника запирала на ключ дверь в свою квартиру в тот момент, когда Пётр, Казимир и его жена поднялись на лестничную площадку второго этажа.

– Добрый день, Вероника Сергеевна! – поздоровался Пётр с женщиной.

– Добрый день, Пётр Антонович! – ответила она. – У вас гости?

– Вот, Вероника Сергеевна, познакомьтесь, – объявил Анджан, показывая на своих спутников, – ваши будущие соседи: Казимир Станиславович и Арина Михайловна Неверовские.

Представив своих родственников, он указал рукой на Веронику:

– Познакомитесь, ваша новая соседка Сидихина Вероника Сергеевна.

– Супрунова Вероника Сергеевна, – поправила женщина, и продолжила, обращаясь к гостям, – Очень приятно!

– Очень приятно! – ответили Неверовские.

– Неужто ваши родственники из Сибири? – поинтересовалась Вероника.

– Да, – ответил Пётр, – из Тюмени. Это мой племянник.

– Племянник?! – деланно удивилась Ника и язвительно добавила, – А почему он не ваша копия? Вы же все всегда похожи как близнецы.

– Бог решил сотворить его по своему разумению, – развёл руками Анджан.

Супруги понятия не имели о чём судачат Пётр и соседка и почему Казимир должен быть копией дяди. Они молча кивнули, подтверждая, что приехали из Сибири. Они не совсем понимали, почему Пётр придумал для них такую легенду, почему у них в карманах лежали паспорта на их имя (немного левые, как сказал Анджан), выданные Тюменской губер-

нии, Российской империи в 1930-м году Казимиру и в 1931-м – Арии. Эти документы супруги получили, когда Пётр развязал им глаза в своей подвальной клети. Он какое-то время назад повязал черные платки им на лицо в этом же сарае. Потом зачем-то поменял предметы в этом помещении.

С чемоданами в руках Неведомские прошли назад по тому же коридору и поднялись на второй этаж. При этом стены перехода и лестничной клетки странным образом поменяли свой цвет. А вот сейчас они слушают непонятную пикировку дяди и соседки.

– Рада была с вами познакомиться, – обратилась Вероника к Неверовским, – надеюсь, что мы подружимся. Не буду вас больше задерживать.

Женщина развернулась и под частый стук каблучков стала спускаться по лестнице.

Квартира Анджана также стала откровением для супругов. Во-первых, она оказалась в два раза больше. Во-вторых, за время их путешествия в подвал и обратно она коренным образом изменилась: другая мебель, другие обои на стенах, другие шторы на окнах, а в завершении – старинный диско-вый и проводной телефонный аппарат на полочке и такой же древний телевизор с выступающим назад кинескопом. Неве-

ровские почувствовали себя участниками какого-то невероятного розыгрыша.

– Где мы, Пётр Антонович? – хрипло промолвила Арина, опускаясь на диван. Такой же обалдевший муж плюхнулся рядом.

Пётр уселся на стул и спокойным голосом сообщил:

– Я вам обещал переправить в такое место, где вас не достанет ни один бандит, что поселю в шестикомнатную квартиру и обеспечу хорошей работой. Вот это место.

Анджан сделал круговое движение рукой, как бы подтверждая свои слова и продолжил:

– Но есть одно «но». Я не мог предупредить вас заранее: я переправил вас в другую реальность.

– Как это понять: «в другую реальность»? – недоумённо переспросила Арина.

– Я перенёс вас в параллельную вашему родному миру реальность и сейчас здесь 1955 год.

Он включил телевизор, дождался, когда появится на экра-

не новостной канал и озвучил точную дату:

– Если быть точнее, то сегодня 8 августа 1955. Вы находитесь в городе Динабурге, Витебской губернии, Российской империи.

– Вы это серьёзно?! – выпучив от удивления глаза почти прокаркал Казимир.

– Куда же серьёзней, – уверил Анджан. – И вам нужно оживаться в новый для вас мир.

– Так мы что, навсегда сюда переехали? – прошептала Арина и в ужасе прикрыла рот.

– Сейчас всё в ваших руках, – заверил Пётр, – если вы не приживётесь здесь, то я верну вас назад. Но это будет ваш выбор и от бандитов и фиников* вы тогда уже будете отбиваться сами.

– А как же наши родители, братья и сёстры? – почти простонала Арина.

– Для них вы эмигрировали на Запад, – пояснил Анджан. – Я буду привозить им ваши письма и доставлять вам их ответы.

– А переправить сюда родителей можно? – осведомилась Арина.

– Давайте не будем бежать впереди паровоза, – предложил Пётр, – Обживитесь сами, осмотритесь, а там видно будет.

В течении двух недель Анджан, как истинный дядя, опекал семью племянника. Знакомил его и Арину с местной инфраструктурой, с торговыми точками. Представил Казимира генеральному директору фармакологической компании «Возрождение» Давиду Верейке в качестве своего полномочного представителя в компании, в которой Анджан имел пятьдесят один процент паёв. Он оформил у нотариуса доверенность на право представлять интересы Анджан Петра Антоновича в алмазодобывающей компании АО «РОСАЛМ», в которой Пётр владел десятью процентами акций. Кроме того, он познакомил Неверовского с Алексеем Сухоным, управляющим несколькими общими золотоносными приисками, совместной собственностью Петра, Фёдора и Алексея. Также написал приказ о приёме Казимира Неверовского на работу в качестве заведующего антикварным магазином «Предметы старины – антикварная торговля». Он являлся собственностью Петра. Также он принял на работу Арину Неверовскую на должность продавца этого магазина. Пётр передал Казимиру списки надёжных антикваров, тор-

говых партнёров Петра.

Через месяц Пётр наведлся в свой бывший коттедж – дом Казимира XXI века. Не успел он пройтись по комнатам особняка, проверяя целостность окон и состояние дома, как подъехала машина, из которой вышел невысокий мужчина лет сорока в сопровождении здорового качка. В визитёре Пётр признал некогда грозу криминального мира Тимофея Кравченко по кличке Тимоха.

Надо отдать должное, Тимоха не нагелел, а вежливо постучался и в дом не вошёл.

– Чем обязан, господа? – Анджан обратился к Кравченко.

– Мы хотели бы видеть Казимира, – ответил Тимоха, – он остался нам должен крупную сумму.

– Я тоже хотел бы его видеть, – заверил Пётр. – Он задолжал мне арендную плату за два месяца. К телефону не подходит. Его мобильную трубу нашел только что здесь с моими звонками и СМСками.

– А вы кто будете? – вежливо осведомился визитёр. – Вы родственник Казимира?

– Я владелец этого коттеджа Пётр Анджан, – уведомил Пётр, – но родственником Казимира не являюсь. Я сдал ему этот дом Неверовскому по рекомендации друга.

После этого Анджан сокрушённо развёл руками и продолжил:

– Три года он платил день в день, а вот сейчас остался должен за два месяца и куда-то исчез. А вы кто будете и почему интересуетесь Казимиром?

– Я уже сказал, что ваш квартирант задолжал нам крупную сумму. Мы ему сделали предоплату за товар, а он его нам не поставил. На звонки не отвечает, дома не появляется.

– Вот тут я вам ни в чём помочь не смогу, – Пётр разочаровал гостя. – Я понятия не имею, чем занимается мой арендатор и это не моё дело.

– Очень жаль, – на лице Тимохи читалось явное разочарование, – Но мне придётся подать в суд и арестовать всё имущество Неверовских.

– Думаю, что это не легко будет сделать, – возразил Анджан, – вся мебель, бытовая техника и аппаратура принадлежат мне. Вряд ли шмотки Неверовских возместят ваши

убытки.

– А вы где живёте, господин Анджан? – закинул удочку Тимоха.

– А вы с какой целью интересуетесь? – вопросом на вопрос ответил Пётр.

– Чтобы знать, где вас найти, – туманно ответил Гость.

– А я здесь причём? – поинтересовался Анджан, сделав удивлённое лицо, – Каким боком я замешан с вашими и Казимира тёрками? Обращайтесь в суд и пусть он вызывает меня как косвенного свидетеля повесткой на этот адрес. А сейчас извините меня, у меня куча дел в доме.

Сказав это, Пётр закрыл перед визитёрами дверь. Из окна кухни он видел, как гости покинули двор, уселись в машину не последней модели и укатили восвояси.

Возвращаясь домой, Анджан долго кружил по городу, пытаясь выявить слежку. Он заезжал в супермаркеты, посещал кафе. Он понимал, что все его метания по городу – это паранойя чистой воды. Но ничего с собой поделаться не мог. На кону могла стоять возможность без опаски навещать родной мир.

При перемещении в мир 1918 года парня ждал сюрприз. Он должен был забрать Роберта и перенести его домой. Вот тут-то он и был сражён наповал новостью: Роберт сделал предложение Ольге и решил осесть в этом мире.

– А как же Марта, Роберт Карлович? – первое, что спросил Пётр, – Как девушка будет жить одна? Как она воспримет ваш переезд «на постоянное место жительства» в Барселону?

– Так Марта сама меня пилила в последнее время, когда я сделаю предложение графине Головановой? Она прекрасно осознавала, что Ольга не сможет перебраться жить к нам в Двинск согласно вашей теории о двойниках в других мирах. Мы с Мартой обсуждали моё возможное переселение сюда. Она готова переехать к Карлу в Петербург или ко мне сюда, когда я обоснуюсь в Испании.

Пётр в ответ только пожал плечами и решил уточнить, на какой день назначено венчание и где.

– Нас обвенчает военный капеллан отец Онуфрий, который проходит лечение в госпитале Красного Креста.

– Но ты же лютеранин! – решил напомнить Анджан.

– Я уже прохожу обучение перед крещением в православие под руководством капеллана. Крещение назначено на 6 ноября по европейскому стилю, а венчание – на 9 ноября.

– А кто будет вашими крёстными, Роберт Карлович? – любопытно спросил Пётр.

– Я осмелился попросить Фёдора Фёдоровича быть моим крёстным отцом, – заявил Роберт, – и он любезно согласился.

– А крёстная мать? – осведомился Анджан.

– Вот с крёстной матерью большая проблема, – пожаловался Роберт, – Православной женщины среди наших знакомых в Барселоне нет.

– Да. Это действительно проблема, – согласился Пётр и задумался как помочь другу.

Друзья некоторое время молча пили кофе в офисе барселонской компании Петра, погружённые в тяжкие размышления.

– А где сейчас Ольга Александровна? – вдруг прервал

молчание Анджан.

– Была в лаборатории? – ответил Роберт, – А что?

– У меня есть одна идея, – объявил Пётр. – Вас не затруднит позвать её сюда?

– Да, конечно, – с готовностью ответил Берг, – одну минуту.

Через несколько минут в контору не спеша вошла девушка, а следом за ним Роберт. Пётр встал и предложил Ольге стул.

– Ольга Александровна, – обратился он к Головиной, – у вас осталась в Москве близкая подруга, которая также находится в затруднительном положении.

– Да, у меня там осталось много подруг и знакомых, – подтвердила графиня.

– А с кем вы были наиболее близки? – продолжал расспросы Пётр.

– Я почему-то плохо помню московский период моей жизни, – ответила Ольга и задумалась. – В моей памяти всплы-

ла Татьяна Батурина. Кажется, мы даже планировали вместе бежать из Москвы в Тюмень.

– И что ей помешало?

– Не помню, – с сожалением ответила девушка.

– Если мы навестим её, она согласится быть крёстной матерью Роберта Карловича? – поинтересовался Пётр.

– Таня, возможно, но как? – не совсем понимая, что задумал Анджан.

– Так же как мы все попали сюда? – пожав плечами, ответил Пётр, – Ваша задача будет состоять в том, чтобы уговорить подругу.

– Я попробую, – неуверенно заговорила девушка.

Тут Анджана осенило, что, возможно, Ольга не помнит, каким путём она попала из Москвы сюда.

– Ольга Александровна, вы помните, как вы покинули Россию?

– Увы, нет, – ответила графиня, как бы извиняясь. – Всё,

что происходило со мной до нашего острова в океане, как будто произошло в другой моей жизни. Остались только редкие отрывочные воспоминания. Я даже лиц моих родителей не помню.

– Хорошо, я постараюсь выяснить всё возможное о теперешнем положении Татьяны Батуриной. А вы готовы навестить подругу в Москве и уговорить её стать крёстной матерью Роберта Карловича и вашей свидетельницей на венчании.

– Да. Конечно, – согласилась девушка, не задумываясь.

– Вот и отлично! – резюмировал Пётр, – Будьте готовы к перемещению в Россию. Я вам сообщу, когда разужнаю всё о Батуриной.

Пётр не хотел поднимать вопрос выхода Ольги в Земную Инфосеть в присутствии Роберта. Но когда он увидел, что Ольга вернулась в лабораторию, а Роберт вышел из цеха на улицу, Пётр вошёл в телепатический контакт с Головиной и попросил её продемонстрировать образ московской подруги. Затем он сам вошёл в «Интернет» и подумал о Татьяне Батуриной. Из всех предоставленных ему вариантов Татьян парень остановился на аналоге образа из памяти Головиной.

Татьяна продолжала пребывать в Москве в крайне тяжёлом положении. Мать её умерла месяц назад. Потомок знатного боярского рода уже продала все семейные драгоценности, чтобы прокормить себя и младшего брата Михаила.

Пётр выяснил, что семья Батуриных состоит в списках местного комиссариата как особо неблагонадёжная и обыск в доме Татьяны назначен на 4 ноября. То есть через три дня.

Анджан тотчас ментально связался с Ольгой и поставил ту перед фактом перехода в Москву завтра 2 ноября.

«Чем вызвана такая спешка, Пётр Антонович?» – поинтересовалась девушка.

«Ваша подруга в большой опасности, Ольга Александровна! – сообщил Пётр. – Через три дня в её дом зайвится ВЧК с обыском. Татьяну Алексеевну и её брата Михаила наверняка арестуют. Они состоят в списках врагов революции. «Хорошо, я готова» – заявила графиня.

В полдень Пётр снял повязку с глаз Ольги, когда они вышли из подземелья палат Аверкия на Берсеневской набережной Москвы реки через маленькую дверцу, ведущую во двор. Они быстро поймали извозчика, который за полчаса довёз их до двухэтажного особняка Батуриных на Никольском буль-

варе. Семью Батуриных ещё в начале 1918 года переселили в небольшой флигель во дворе дома, в который можно было попасть через небольшую калитку. Татьяна и Михаил находились дома. Сестра готовила обед, а брат курочил буфет, чтобы затопить большую изразцовую печь, отапливающую все три комнаты маленького домика. Москву накрыл арктический циклон, принёсший мороз и первый снег.

Михаил сразу же узнал Ольгу и кликнул Татьяну:

– Таня, беги быстрее сюда! Посмотри кто пришёл!

Батурина, недовольно ворча, вышла в гостиную. На несколько секунд замерла, увидев Ольгу и словно пытаясь понять – это галлюцинации или перед нею действительно стоит её лучшая подруга. Спустя секунду Татьяна со слезами бросилась на шею Головиной с криком:

– Оленька, душа моя!

Слёзы душили девушку, и её слов невозможно было разобрать. Ольга же довольно сдержанно встретила бывшую подругу. Вероятно, эмоциональная составляющая её дружеских отношений с Батуриной не попала в сохранившуюся часть личности графини Головиной.

Обед накрыли из испанских продуктов, прихваченных Петром с собой в дорогу. Батурины впервые в жизни попробовали вяленое мясо – хамон, колбасы фуэт, чоризо и лонганиса. На столе появились несколько сортов овечьего сыра и апельсины. Венчал стол котелок отварной картошки с испанским тушеным мясом. Не забыл Пётр прихватить и литровую бутылку сладкой сангрии для дам и испанского бренди для себя и восемнадцатилетнего Михаила.

Во время обеда Батурин то и дело бросал тайные взгляды на Ольгу. Пётр не умел телепатически внедряться в мозг оппонента, но эмоциональный фон Михаила почувствовал хорошо.

Первоначально Батурин – младший наотрез отказывался переезжать в Испанию. Пётр понимал, что не любовь к Родине удерживало парня в Москве, а его нежелание присутствовать на свадьбе Ольги, в которую он был по уши влюблён. Только сообщение Анджана о предстоящем визите ВЧК пересилило личные переживания парнишки.

Венчание Роберта Берга и Ольги Головиной выбивалась из всех виденных Петром воочию и в кино подобных обрядов. Священник, одетый в мундир военного капеллана, установил походный армейский алтарь в центре небольшого

склада фармацевтической компании Петра и Фёдора. Помещение предварительно освободили от всех складских запасов. Девушки склеили из картона венчальные короны, которые держали над ними двухметровый великан Фёдор и Татьяна Батурина, девушка невысокого роста. Отец Онуфрий читал нужные молитвы по псалтырю, так как забыл их напроць, служа двенадцать лет армейским капелланом. Само богослужение он провёл явно в сокращённом виде и «по шпаргалке». Этакий военно-полевой обряд бракосочетания. Неискушённые зрители этого, естественно, не заметили, и ничто не испортило торжественного момента.

У дверей своего дома Марта, которую Пётр перенёс назад, в мир 1913 года, обернулась к парню и с ехидной улыбкой спросила:

– Итак, Пётр Антонович, как вы будете выполнять наказ моего брата?

– Какой наказ? – удивлённо поинтересовался Пётр.

– Заботиться обо мне.

– А это! Я ещё не думал об этом, – ответил парень.

– Хочу вас проинформировать, что Роберт всегда забирал меня из училища, когда мои уроки заканчивались после наступления темноты.

– И как часто это случается? – поинтересовался Анджан.

– Каждый вторник, среду и четверг? – мило улыбаясь, объявила девушка.

– Тогда буду забирать вас из вашей школы каждый вторник, среду и четверг, – спокойно известил Пётр.

– Договорились, Пётр Антонович, – лукаво улыбаясь, заявила Марта и протянула руку для поцелуя, – Не буду вас больше задерживать.

К себе домой Пётр не вернулся, а решил, наконец, навестить в «свою квартиру» реальности 1918 года, в которой он ещё ни разу не был. Ожидаемо обстановка шестикомнатных апартаментов повторяла интерьер его квартиры мира 1913 года. Но были и некоторые отличия. В потайная комната оказалась никакой не потайной, а вполне нормально – доступной. Естественно, отсутствовали какие-либо экспонаты, бюро, полки и пирамиды.

Пётр перетащил в квартиру содержимое сундука, ко-

торый обнаружился возле стены у входа в Портал. В нём находились старинных рукописи в свитках или сшитые в своеобразные тетради. Пётр аккуратно сложил все бумаги в большие полиэтиленовые пакеты, которых получилось целых пять штук. Пришлось совершить три ходки из подвала в квартиру, чтобы перетащить эти тяжеленные мешки.

Все бумаги оказались писаны или на латыни, или на старославянском языке. На дне сундука лежали рукописи, писанные невиданными ранее знаками, которые буквами можно было назвать с большой натяжкой. Незнакомая письменность осуществлялась разного вида закорючками, на первый взгляд с трудом отличными друг от друга, начертанными чёрными чернилами на диковинного вида бумаге. Ощупав листы этих чужеземных рукописей, Анджан ощутил еле ощутимую упругость пластика.

В кабинете отсутствовал сейф. Все ящички и полочки стола оказались пустыми. Зато перстень для инициации присутствовал на своём месте в тайнике изразцовой печи. Больше ничего интересного, кроме перстня, в доме не нашлось.

Вся квартира выглядела так, как будто в ней никто никогда не жил. В шкафах, буфетах и многочисленных сундуках отсутствовала какая-либо одежда, постельное бельё, посуда и многие вещи, необходимые в быту. Но все комнаты

выглядели чисто прибранными, и даже тяжёлые бархатные шторы присутствовали на окнах. В квартире присутствовал запах помещения, где только что закончили косметический ремонт: запах свежей краски, побелки и обойного клея. «Вероятно эта реальность образовалась до того, как хранитель врат из семейства Виксне изменил планировку квартиры с созданием потайной комнаты» – решил для себя Пётр.

Переместившись в XXI век, Анджан прихватил с собой свитки, написанные на латинском языке. Он собрался перевести на русский язык эти рукописи и попробовать расшифровать документы, писанные странными каракулями. Пётр сличил принесённые латинские свитки с уже имеющимися у него, чтобы отложить идентичные и уже переведённые. Парень обнаружил неизученными только пять манускриптов, писанных на пергаменте и двух тетрадей из бумаги желтоватого цвета.

Анджан уже набил руку, переводя предыдущие латинские тексты, поэтому эти свитки он перевёл, практически не обращаясь к словарю. Тетради оказались дневниками и описывали хронологию путешествия одного их хранителей Врат через портал в эпоху средневековой Руси. Анджан буквально зачитался своеобразным отчётом хронопутешественника:

“Нота Бена! Это повествование было начато писаться моим прадедом Целавом из Любосты на древнерусском языке

6721-е (1213 год**) лето и закончено в году 7273(1765**) им же под именем Дмитрия Сергеевич Мономах. Рукопись моего прадеда переведена мною, князем Георгием Мономахом на латинский язык в Динабурге в году 7364(1856**). Мой пращур описал путешествие в мир, где ещё правили древние русские князья».

**Примечания автора.

*финики – разговорное прозвище финансовых инспекторов в Латвии.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

«Сегодня я получил письмо от отца, написанное церковным буквицами на бересте. Торговые люди из Копец-городка передали мне это письмо. В нём сообщалось, что мой старший брат Даумант погиб при набеге на литовское городище, а отец вернулся с битвы сильно израненным. Поэтому мой отец, которого звали Ужвалд, велел мне спешно плыть домой в наше селище Любосты, что стоит вблизи озера Любоста и речки Любостянка. Наша речка буквально в двух поприщах* от нашего селения впадает в большую реку Даугову, которая в Полоцке зовётся Двина. В это время я учился в Борисоглебском Полоцком монастыре, который располага-

ется в Бельчицах, в двух поприщах от града.

За три дня я на попутных малых торговых ладьях добрался до дома и застал отца, пребывающего на ложе. Буквально в день моего прибытия домой, папа собрался с силами и встал с постели, на котором он возлежал последний месяц своей болезни. Этим он вызвал большое недовольство ма-тушки. Он позвал меня и объявил, что настало время, посвятить меня в великую тайну, которую наш род хранит ни один век. Отец приказал снарядить нашу среднюю ладью, и взять ещё трёх гребцов.

Мы спустились к озеру Любоста и сели в ладью. По речке Любостянка дошли до Дауговы. Отец указал плыть вверх по течению к Древнему городу. Причалив к высокому берегу реки, мы оставили гребцов в ладье, а сами поднялись наверх.

Опираясь о моё плечо, Ужвалд повёл меня в сторону развалин города. Название его уже никто из ныне живущих не помнит. Он давно зарос лесом и кустами. Местные жители называли его просто «Древний город». Мы подошли к груде каменных блоков, поросших мхом и кустарником. Мы с трудом продирались сквозь сплошную стену густого ельника, окружавшего древнее каменное строение почти в центре развалин, и очутились у разлома в стене. Стена была до того древней, что камни, слагающие её, покрывал сплошной слой

густого мха.

Отец повелел мне запомнить, где находится этот вход: у большого идеально круглого камня перед ельником.

– Вот, сын, – сказал отец, остановившись возле пролома в стене, – настало время посвятить тебя в тайну нашего рода. Следуй за мной и запоминай всё, что я делаю.

Отец высек кресалом искру и зажёл небольшой факел, который он взял из каменной кадучки справа от входа в пролом. Вниз вели пологие каменные ступеньки. Дойдя до ниши в стене, которая перегораживала нам дальнейший путь, папа показал, как устранить препятствие. Он демонстративно отсчитал два камня от верхнего правого угла грота и дважды нажал на третий. Фронтальная стена ниши бесшумно сдвинулась в сторону, открыв нам проход. Спустившись по ступенькам, мы очутились в огромном зале, чей свод покоился на многочисленных колоннах. Отец указал мне на стрелки, вырезанные в каменном полу, и сказал, что следует идти туда, куда указывают эти стрелы. Через десять раз по десять шагов (я специально посчитал) мы упёрлись в новую стену.

– Пришла пара, сынок, посвятить тебя в сан Хранителя Врат. Из поколения в поколение эта тайна передаётся второму сыну или дочери нашего рода, – заговорил отец, повернувшись ко мне вполоборота. – После гибели Дауманта,

старшим сыном стал Вилк, а ты – вторым. Поэтому тебе нужно принять на себя бремя Хранителя. В этой стене скрыты Врата в неведомый мне мир или миры. Чтобы их открыть, ты должен пройти посвящение.

Тогда папа достал из мешочка, висящего на его груди, перстень и показал его мне. «Это перстень, который необходим, чтобы провести посвящение нового Хранителя» – поведал он. Я взял кольцо в руки и внимательно рассмотрел. Я держал в руках массивный перстень из серого металла с основанием овальной формы с восьмигранным камнем ярко-жёлтого цвета в центре.

Папа заставил надеть кольцо на левую руку и перевернуть его камнем внутрь ладони. Он смочил стену тряпкой, принесённой в туюске с водой, и указал мне на открывшиеся после этого рисунки. В центре одного из рисунков, который папа назвал «Сварогом», символом Рода, находилось отверстие. На этот рисунок следовало положить ладонь с кольцом, а в отверстие в центре символа – вставить камень моего перстня. Я сделал это.

—Теперь начни петь первую молитву, которую мы каждую ночь поём всей семьёй перед сном – приказал папа. — Это и будет заклинание, посвящение в Хранители Врат.

Я запел нужную молитву. Мне было незнакомо содержание этого заклинания, но его я разучил с раннего детства, так же как и мелодию. Я почувствовал, как странная волна прошла по телу от левой руки вниз до пят. На наружной стороне руки возникло изображение Сварога и тут же исчезло.

—Теперь ты посвящён в Хранители Врат и можешь их отворять – заявил отец, – приложи ладонь левой руки знаку Рода, но уже без перстня и пропой вторую молитву. При помощи её ты сможешь отворить Врата.

Я сделал так, как повелел отец. Когда я запел второе заклинание, то моё сердце не успело произвести и десять ударов, как стена передо мной заколыхалась, словно поверхность воды от резкого дуновения ветра. Я протянул руку, прекратив при этом песнопение. Рябь тотчас исчезла и мои пальцы упёрлись в твёрдый камень стены.

– Не прекращай петь заклинания до тех пор, пока твоя рука не пройдёт сквозь стену и не вернётся назад, – пояснил папа, – или пока ты не переступишь порог Врат.

Тогда я снова запел вторую молитву и продолжал её исполнять, вновь пытаясь просунуть руку через мерцающий полог. На этот раз рука свободно прошла, не встретив преграды. Но я тут же в страхе отдернул руку.

– А что находится там за пологом Врат.

– Не знаю, – пожал плечами отец, – я там не был, и отец мой там не был, иначе он поведал бы мне об этом. Может кто из наших предков, хранителей Врат и побывали на той стороне, но никто не оставил никаких свидетельств этого. Возможно, это указано в старинных свитках. Но они написаны на языке, которого уже никто не помнит, и буквицами, которые уже никто не может прочесть.

– Ясно, – грустно ответил я.

– Теперь я могу спокойно отправиться в мир моих усопших предков, – заявил папа, когда мы возвращались домой, – Теперь ты Хранитель и тебе подчиняются Врата. Но ты должен будешь посвятить своего сына или дочь в тайну Врат и посвятить его или её в сан их Хранителя.

– Нет, – возразил я. – Тебе ещё рано уходить. Ты обязательно поправишься.

– Это как боги рассудят, – смиренно заявил папа.

Несмотря на то, что отец принял крещение, он оставался язычником. Крестился он чисто формально, чтобы священники из Герсики отстали со своими наездами на него, старо-

сты селища Любосты. Наше селение называлось так, потому что укрепилось на горе, в густом бору, между озером Любоста и речкой Любостяжкой.

Папа выздоровел. Свершилось чудо, Болезнь, державшая его прикованным к постели более месяца, совершенно отступила в течении одного дня и одной ночи сразу же после посещения нами таинственной залы. Но судьба есть судьба. Через шесть месяцев после выздоровления отец погиб во время зимнего набега на литваков. Его брренное тело привезли дружинники на санях вместе с двумя десятками других павших воинов.

Буквально на следующий день после похорон отца я не вытерпел и спустился в то чудное подземелье с диковинными каменными столбами, подпирающими каменный небосвод.

Я запел молитву, отворяющую Врата и замер перед их мерцающим пологом. Я в нерешительности застыл, не осмеливаясь сделать шаг вперёд. Рябь, переливаясь и извиваясь мелкими волнами, манила и отпугивала. Манила познанием неведомого и пугала неизвестностью. Так и не осмелившись перешагнуть через порог Врат, я завершил песнопения и покинул подземелье.

Я ещё три раза за лето навещал тайную залу, но никак не

мог решиться на последний шаг. Потом и вообще закурилось, завертелось.

Селище готовилось к прибытию ежегодного каравана из Кукенойса, который каждый Сулу менес (апрель*) проплывал мимо нашего селения в сторону Полоцка. К веренице каждый раз присоединялась по пути ладья купцов из Герсики и селищ, стоящих на реке Даугова. К каравану в назначенное время спускались и суда по рекам Эвикшта и Дубна. Каждый год челны делали остановку возле городища Новене, где отдыхали гребцы и куда приплывали ладьи из городищ и селищ нашей округи.

В это время проходил ежегодный весенний торг. Из заморских земель привозили топоры, железные ножи, косы – горбуши, серпы и различную глиняную посуду. Высоким спросом пользовались свейские мечи, наконечники стрел и копий. Торговля осуществлялась преимущественно посредством обмена. Те жители из ближайших земель, которые не хотели посылать своих купцов в далёкие земли, меняли тут свои товары на нужные им заморские.

Наше поселение также готовило большую торговую ладью – однодревку. В прошедшую осень на сходке постановили, что наша однодревка пойдёт до Булгара. В этот раз походом должен будет руководить мой старший брат Вилк, как гла-

ва семьи. Наша семья владела большим торговым судном и несколькими более мелкими лодками. Моя семья загружала половину корабля, вторая половина отдавалась под загрузку нашим родичам, живущим в Любостах и в окрестных поселениях. Все они являлись нашими кровными родственниками.

В прошлогоднее торговое плавание отец взял с собой и меня. Так вот тогда в Полоцке нам удалось подпоить одного тверского купца, который проболтался, что сейчас не очень выгодно везти товар в Киев.

После разграбления Царьграда франкскими рыцарями в лето 6713(1205*) торговля с Царьградом перестала быть столь выгодной как прежде. Жители поразбежались, греческие купцы со своей мощной в основном покинули город. Всем там заправляют венецкие купцы из Срединного моря. Сейчас вся русская торговля начала перемещаться на Волгу, в сторону Булгар, потом до Хвалынского моря и дальше в Дербент и Персию. Там хорошо покупают наш лён, мёд, выделанные кожи, особенно юфть, ну и, конечно, пушной товар. Особенно ценен там мех соболя, горностая, куницы и белки. Ещё в дальних землях ценится наш речной жемчуг, который у нас на месте никто не добывает, а в верховьях этим занимаются многие псковские и смоленские кривичи.

Тогда же на вече порешили заготовить побольше шкурок пушных зверей, а также в осенние, зимние и весенние торги наменять побольше льняных тканей и пряжи. Постановили продать в Полоцке не ходовой в Булгаре товар и на вырученное серебро скупить юфтевую кожу в Полоцке и, в особенности, в Витебске, тогдашнем центре кожевенного производства в Полоцком княжестве. Летом же юнаки должны накопить побольше жемчуга из ракушек местных моллюсков, в изобилии живущих в наших речках и ручьях.

Селище Любосты по меркам нашего времени, считалось крупным поселением с двадцатью пятью дворами. Кроме этого, в округе двадцать вёрст находилось с десятков селищ поменьше: на пять – десять дворов, где жили наши родичи. Непосредственно перед весенним Большим торговым походом в Полоцк я с братом и холопами объезжали эти поселения и выменивали или скупали плоды их труда: мёд, воск, льняные ткани и пряжу, поташ, необработанные кожи. Кто-то передавал свои товары нам для последующей продажи на Полоцком рынке. Многие наши зажиточные родичи из окрестных деревень поддержали нашу идею плавания в Булгары и дали нам свой товар. Помимо этого, из Герсики должен был приплыть младший брат отца на своём судне. Он тоже готов плыть с нами по Волжскому торговому пути.

Приплыв домой после визита дальних поселений на озере

Стропы и перегрузив товары в большую ладью, я не выдержал и навестил Врата. Я всё-таки решился сходить на ту сторону. Какая-то неведомая сила манила меня то, что лежит за их порогом. На всякий случай я положил в котомку краюху хлеба и головку сыра. Надел боевые доспехи и подпоясался мечом. Щита я не брал.

Я в очередной раз запел заклинание и отворил Врата. Оставив все страхи и сомнения, я шагнул в мерцающий проём. Моё сердце, казалось, ушло в пятки, когда что-то мягко подхватило меня и понесло через освещённый нереальным, божественным светом проход. Мне было ужасно страшно. Я зажмурился и нёсся так куда-то, лишь иногда приоткрывая левый глаз.

Когда движение моего тела замедлилось, я открыл оба глаза и увидел впереди мерцающий проход. Всё та же сила аккуратно вытолкнула меня через этот проём, и я очутился... в том же огромном зале с колоннами, из которого я недавно шагнул внутрь Врат. Когда я нащупал и зажёг факел, оставленный в каменном держателе возле Врат, то был буквально раздавлен случившимся. В течение нескольких месяцев я посещал этот зал, замирал перед Вратами и пытался побороть свой страх, чтобы шагнуть в неведомое. Всё оказалось большим обманом. Стоило ли столь долго пытаться переступить через свои страхи, замирая перед этой каменной

стеной, чтобы потом пролететь в мгновение ока через странные коридоры и вернуться назад.

В глубоком разочаровании я вернулся тем же путём на поверхность. Загасив факел в куче песка, я вновь протиснулся меж густых еловых веток и хотел выйти наружу. В этот момент я краем глаза увидел какое-то движение справа и предмет, летящий мне в голову. Я сгруппировался, пытаюсь плечом, закрытым железным наплечником, прикрыть голову. Я не успел полностью закрыться и получил скользящий удар по плечу и по голове. Свет потух в моих глазах, и я впал в беспамятство.

Очнулся я от того, что кто-то лил воду мне на лицо. Голова болела невыносимо. Я с трудом открыл глаза и сквозь пелену увидел лик молодого неизвестного мне молодого парня.

– Жив! – радостно воскликнул он. – Ты как здесь оказался?

– Ты кто? – прохрипел я, едва ворочая сухим от жажды языком.

– Я Вездот, твой двоюродный брат! —с изумлением ответил парень.

– А зачем тогда ты хотел убить меня? – прошептал я.

– Я думал, что это зверь пробирается сквозь ёлки, – пояснило лицо и через секунду спросило. – Ты можешь идти?

– Попробую, – неуверенно заявил я. – Помоги мне встать.

Парень, назвавшийся моим двоюродным братом, помог мне встать. Меня повело в сторону, и я завалился бы на бок, если бы паренёк не удержал меня за пояс.

– Давай я помогу тебе дойти до дома, – предложил он.

Поселение не походило на моё родное абсолютно. На небольшой опушке, окружённой сплошной стеной леса сиротливо ютилось чуть больше десятка деревянных строений.

– Где мы? – прохрипел я, едва ворочая сухим от жажды языком.

– Как где?! – удивлённо воскликнул мой спутник. – В селении Любосты, где же ещё?!

Сил удивляться не осталось и я, бережно поддерживаемый парнем, был доведён до большого длинного бревенчатого дома. Когда мы приблизились к порогу, из хаты выскочи-

ла немолодая женщина и охая, и стеная помогла ввести меня внутрь дома. Там меня, впавшего в полуобморочное состояние, усадили на лавку возле окна. Приготовив в деревянном ковшике какой-то раствор, она аккуратно промыла рану. От каждого прикосновения к ссадине, я вздрагивал, но терпел, стиснув зубы.

Прибежал мой двоюродный брат, посланный женщиной за подорожником. Она тщательно помыла принесённые зелёные листики, обложила ими рану и плотно обмотала вокруг моей головы полоску льняной ткани. Затем меня раздели до исподнего и положили на широкую лавку, споро застеленную хозяйкой. Спустя несколько минут я забылся тревожным сном.

Я не знаю сколько проспал. Лишь помню, что мой сон прерывали и давали мне выпить очень горький настой. И я вновь проваливался в сон.

Проснулся я, когда на улице ещё было светло, или уже было светло. Услышав мою возню на лавке, в спальную часть дома вошла всё та же женщина. Она напоила меня настоем, села на соседнюю лавку и внимательно уставилась на меня.

– Кто ты, чужак? – настороженно спросила она. – Как тебя зовут? Откуда ты родом?

– Я Целав из селения Любосты, что находится в тридцати поприщах от Новенского городища.

– Ты лжёшь, чужак, – очень спокойно заявила женщина. – Ты очень похож на моего среднего сына Целава. Просто копия, но ты – не мой сын. Зачем ты выдаёшь себя за моего мальчика?

– Но я действительно Целав из селения Любосты, сын Ужвалда.

Я заметил, как вздрогнула женщина, при упоминании имени моего отца и помолчав минутку, продолжил:

– Мою мать зовут Лиэпа. У меня ещё есть два брата: старший Вилк и младший Дарбеслав, а также сестра Тия. Я тот, за кого себя выдаю. Я Целав из селения Любосты.

– Мне вчера принесли весть, что мои сыновья: Ант, Целав и Кришт, спускавшиеся на лодке вниз по Ликснянке, погибли, разодранные медведицей. – после небольшой паузы сообщила хозяйка дома. – Мои мальчики были очень храбрыми, но Целав и Кришт были ещё слишком молодыми, чтобы помочь Анту справиться с медведицей, защищавших своих медвежат. Зачем мои сыновья причалили к тому пустынь-

ному берегу и что не поделили с хозяйкой леса, я не знаю. Они мертвы и ничего сказать не могут. Добрые люди обнаружили и похоронили останки Анта и Кришта там же, на высоком берегу речки. Тело Целава не нашли. Люди осмотрели место трагедии и предложили, что раненый или убитый Целав мог упасть в воду, а его тело унесло течением.

– Я знаю это место, – неожиданно для себя ляпнул я и тут же спохватился.

– Откуда ты знаешь то место, если моих мальчиков только два дня назад там похоронили.

– Мне отец показал то место, и мы всякий раз останавливались возле их могил, чтобы отдать дань Велису и памяти наших предков.

Женщина опять внимательно посмотрела на меня и неожиданно спросила:

– Ты пришёл оттуда?

– Откуда, откуда? – переспросил я, не поняв вопроса.

– Из-за Врат, – пояснила женщина.

– Да, а как вы додумались до этого?

– Вездот рассказал, что нашёл тебя недалеко от входа в подземелье. Мой муж, когда был почти при смерти после боя с литваками, посвятил меня в тайну Врат и наказал передать эти знания старшему сыну. Он пересказал мне предание своих пращуров – хранителей, что Врата ведут в другие мира, которые могут находиться как в прошлом, так и в грядущем. Но слава Маре, мой Ужвалд выжил и сам посвятил среднего сына Целава в сан Хранителя Врат. – растолковала хозяйка, – Ты мог знать о могиле моих детей, только если пришёл с той стороны из грядущего времени.

– Да, я оттуда, – подтвердил я. – А в какое лето, месяц и день я попал?

– Как считают криевские попы, то сейчас 6621-е (1113 год**) лето. По счёту латгольцев, сейчас 814-е лето после Великого исхода. А по исчислению нашего рода, 2158 круг Солнца. А сейчас 14-й день месяца Весны (март**), – ответила женщина.

– А вы разве не латгольского племени? – переспросил я, озадаченный тем, что летоисчисление рода хозяйки дома отличается от латгальского.

– Нет, – растолковала она, – Наш род берёт своё начало от Корлиса Врачевателя сына Медведя.

– А кто это? – поинтересовался я.

– Как гласит предание, он возник ниоткуда в нашей округе и первое время жил в развалинах Древнего города. Он имел славу колдуна – целителя и мог поднять на ноги даже безнадежных больных и израненных воинов. Корлис Врачеватель или Карл сын Бера, как он сам себя называл, прожил более ста тридцати зим и оставил после себя большое потомство. Его сын Роба и основал наше селище, а все его жители – близкие друг другу родственники. Он же приучил своих родственников вести счёт лет, почему-то, от 1942 года. Что значит эта дата никто уже не помнит.

– Да! В моём времени уже никто не помнит этой легенды! И летоисчисление мы ведём только от сотворения мира! – удивлённо воскликнул я. – А как долго я пролежал в беспмятстве? – немного заплетающимся языком спросил я.

– Только один день и одну ночь! – с удивлением в голосе ответила женщина и добавила. – Это очень мало при такой ране.

– А как вас звать? – поинтересовался я.

– Зови меня матушка, матушка Эгле, – немного подумав, ответила она. – Да, а из которого лета ты пришёл?

– Из лета 6721-го (1213**).

Эгле замолчала и стала что-то считать, бормоча и загибая пальцы. Спустя несколько минут она вновь повернулась и заявила:

– Выходит, что ты – мой внук в пятом поколении

После долгой беседы у меня не осталось сил сопротивляться, и я только кивнул в знак согласия. Хозяйка дома, увидев моё состояние сильной усталости, поправила у меня под головой подушку и ласково вымолвила:

– Поспи, сынок.

«Почему сынок? Что она задумала?», – было последней мыслью перед тем, как я погрузился в сон.

В очередной раз я проснулся из-за голосов, доносившихся из противоположной части дома. Я различил голос Эгле и чужой, грубый мужской. Говорили они не громко, но я хорошо их слышал.

– Это хорошо, Дравестов, то ты сам пришёл ко мне, – обратилась женщина к незнакомцу. – Я уже сама хотела плыть к тебе.

– Я услышал от людей с Ликснянки, что твой сын Целав погиб, – степенно ответил чужак, – и сразу же собрался к тебе.

– Молва донесла до тебя неправильные вести, – с грустью ответила Эгле. – Мои сыновья, возвращаясь с верховьев реки, столкнулись с медведицей и её выводком. Ант и Кришт погибли, а Целав вернулся домой израненный. У него разбита голова. Сейчас он спит в спальной части дома.

– С ним будет всё в порядке? – взволнованно поинтересовался гость. – А то говорят, что от раны в голове мужчины могут потерять свою мужскую силу, а то и вовсе тронуться умом.

– Нет, с этим у него всё в порядке, – поспешила успокоить хозяйка, – Только немного повредило память. Он почти ничего не помнит из своего прошлого.

– Ну это не великая беда! – заявил мужчина, – Мою Эю он, надеюсь, помнит.

– Не знаю, – слышна была неуверенность в голосе хозяйки. – Я не спрашивала. Как-то не до того было.

– А что со свадебным ритуалом, который мы уговорились совершить в праздники дней Провода зимы? – решил уточнить мужчина.

– Всё будет как мы сговорились, Дравестов, – заверила Эгле, – не волнуйся, Мой сын совершит обряд соединения с твоей Эей у вашего священного дуба в тот день, в который мы сговорились. Начинай варить пиво, сыр и коптить мясо.

– А можно мне краем глаза взглянуть на будущего зятя? – смиренно попросил гость, – Я его видел всего два раза, а последний раз на Триглав.

– Конечно, дорогой гость! – тихо воскликнула женщина. – Только, пожалуйста, тихонько. Целав, к сожалению, ещё очень слаб и поживает.

Услышав немного шаркающие шаги немолодого уже человека, я притворился, что сплю. Для меня визит моего будущего тестя и разговор о моей скорой свадьбе оказался полной неожиданностью. Я услышал тихое сопение недалеко от моего правого уха, лёгкий перезвон металлических украше-

ний и скрип кожаных одежд.

Потоптавшись возле моей кровати несколько минут, гость удалился, тихо ступая по полу, скрипевшему под тяжестью его тела.

Проводив гостя, Эгле вернулась в закуток, где возлежал я. Она прекрасно поняла, что я всё слышал и только притворялся спящим.

– О какой такой свадьбе вы только что толковали с гостем, матушка Эгле? – поинтересовался я.

– О твоей, сынок, – лукаво улыбаясь, ответила женщина.

– Но я ведь не ваш сын! – напомнил я ей. – Я не ваш Целав. Как вы предъявите меня невесте и её родителям?

– Я уже говорила, что ты как две капли воды похож на моего сына, – пояснила матушка. – Невеста видела тебя только два раза, вы поговорили немножко и разошлись, поэтому она вряд ли отличит тебя от настоящего Целава.

– Но ведь это подмена! – возразил я, – Лжа!

– Никакой подмены, никакой лжи, – заверила женщина. –

Мы сговорились с Дравестом, Владельцем большой торговой ладьи из селения Лаукесы, что мой сын Целав, из рода Владельцев такой же большой ладьи возьмёт в жёны его дочь Эю и свадьба состоится в праздник Провода зимы

– Но... – хотел возразить я.

– А что «но», – перебила меня Эгле, – разве ты не из рода Владельцев большой ладьи из селища Любосты?

– Но я не собирался жениться! – был мой последний довод.

– А ты подумай хорошо – с хитрым прищуром предложил Эгле. – Погибли двое мужчин из нашей семьи. Как выяснилось, мой старший сын Ужвалд, который умер в прошлую зиму от лихорадки, оказался бесплодным. Все его бывшие жёны родили от других мужчин. В семье не осталось никого, кто может продолжить род. Как ты думаешь, что случится дальше?

– Наверное род прервётся, – неуверенно ответил я.

– Тогда кто ты, какого ты рода? – загадочно спросила женщина.

– Как кто? Я Целав из... – начал я и замолчал.

– Вот-вот, и я о том же, – вставила Эгле. – Ты живёшь на этом свете и род твой существует.

– Так что? Это я спас наш род от исчезновения?! – осенило меня.

– Выходит так. И помогла тебе в этом Эя, дочь Дравеста.

*Поприще примерно равно 1-й версте.

**Примечания автора.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Моё выздоровление свершилось на удивление быстро. Больше всего этому удивилась Эгле. Она долго осматривала и ощупывала мою голову, причитая: «Такого не может быть! Это невозможно! За три дня прошло кружение головы, и полностью исчез шрам от раны! Такого не может быть!»

До праздника Проводы зимы оставалось тринадцать дней.

Поэтому матушка Эгле послала гонца к Дравесту и сообщила, что сваты планируют навестить его дом через два дня. За это время женщина сговорила с двоюродным братом отца и его женой быть сватами и сопровождать её внука к дому невесты.

Дверь открыла жена хозяина.

– Добрый день люди добрые, что занесло вас в нашу глухомань?

– Да вот такое дело, повадилась лиса красть у нас курей, – отвечал дядя, – вот мы и прошли по её следам, и они привели нас сюда.

– У нас в доме лисы отродясь не водилось. Проходите, будьте добры, сами проверьте.

Преследователи рыжей воровки вошли в дом и были с почестями усажены на длинную лавку. Дравест уселся с сыновьями напротив. Вначале принесли кота, но охотники отрицательно замотали головами. Также была отвержена собака и коза.

– А может лиса эта совсем не лиса, – выдвинул предложение сват, – а оборотень и сейчас приняла человеческий об-

лик?

– Да мы не ведаем такого в нашем доме, – отвечивал хозяин дома, – Но у нас нет никаких тайн от таких уважаемых людей. Мы вам покажем всех наших домочадцев. Сами увидите, что нет у нас таковой.

– Посмотрим? – обратился сват к своим спутникам.

– Конечно посмотрим! – подтвердили они и согласно закивали.

Тогда к гостям вывели вначале старушку, затем девушку в скромной одежде, вероятно холопку. Гости отрицательно замотали головами. Следом за ними девчушка лет десяти ввела за руку девочку лет пяти.

– Может это одна из них? – спросила хозяйка.

– Нет, нет! – хором ответили охотники.

Последней к гостям вывели девушку, накрытую цветастым покрывалом.

– Может это она? – спросил отец.

– Может быть, – неуверенно ответил сват, – Надо бы на лицо её взглянуть.

– Ну это очень дорого будет стоить, – неуверенно начал хозяин, – Хватит ли у вашего охотника средства на это?

Матушка Эгле толкнула меня локтем в бок. Я встал, достал из-за пазухи завязанную в узелок тряпицу, развернул её и с поклоном подал хозяину завёрнутую в нём кучку серебра.

Дравест еле заметным движением взвесил на руке свёрток и остался довольным.

– Сваха может пройти в девичью и взглянуть на девушку.

– Нет, так дело не пойдёт! – возмутился я, – Я сам должен убедиться, что это та, которую мы ищем.

– Новы знаете, молодой охотник, что вам тогда придётся увести эту лисицу в свой дом.

– Если это не очередная подмена, то заберу хоть сейчас.

Отец девушки, немного подумав, согласно кивнул, и холопка сняла с девушки покрывало. Нашему взору открылась русоволосая головка, с волосами, заплетёнными в две длин-

ные косы. Девушка стояла, опустив глаза долу.

– Очень трудно судить по затылку, она это или не она, – воспротивился я, – Я хотел бы на личико взглянуть.

– Вы хорошо подумали, молодой господин? – переспросила мать девушки.

– Да. – подтвердил я.

Мать что-то шепнула на ухо девушке. Та медленно подняла голову и неуверенно взглянула на меня. У неё оказались огромные серые глаза, полуприкрытые густыми ресницами, правильный овал не очень красивого лица, курносый носик и пухленькие губки. На меня смотрела невзрачная серая мышка.

Я остался разочарованный увиденным, но отступить возможности уже не имелось. Я подошёл к девушке и глубоко поклонился ей. Затем я повернулся к отцу Эи и, ломая ритуал, объявил ему:

– Я Целав из селения Любоста желаю взять в жёны вашу дочь Эю.

Эя прикрыла лицо руками и убежала из комнаты. Все при-

сутствующие в доме будто онемели от моих слов, так как я нарушил ритуал сватовства. Первым пришла в себя мать невесты. Она засуетилась, хлопнула в ладоши, и холопы стали быстро выносить и ставить на стол различные плоски и миски с закусками. Мой двоюродный брат Вездот тут же водрузил на пивные козлы бочонок с медовой брагой.

Кивком головы отец невесты отправил своих сыновей перетаскать нашу лайбу в затон. Она до сих пор стояла у деревянного причала с вёслами в уключинах.

Что происходило во время нашего с Эей свадебного обряда, я помню урывками. Я находился словно во сне. Помню только как волхв селов водил нас несколько раз вокруг священного дуба. Был большой пир в селении невесты. Нам дали немного покушать, а всё остальное время мы сидели во главе стола и наблюдали, как гости ели, пили, пели песни и танцевали. Вернее, наблюдал я один, так как невеста весь вечер сидела, опустив голову и плакала. Большая часть песен звучала совсем не дружелюбно. Мои дружки и подружки весь вечер проводили песенные соревнования с молодыми парнями и девушками невестиной стороны, кто больше недостатков найдёт у противоположной стороны.

С наступлением темноты нас с моей уже женой отвели в клеть, где нас ждало брачное ложе. Нам постелили на се-

не. Оно продолжало источать одуряющий запах прошлогоднего лета, но мне было не до него. Стесняясь каждого своего движения, Эя медленно разоблачалась, повернувшись ко мне спиной. Мне казалось, что это действие не закончится никогда.

Рассмотреть хорошо свою жену я смог только утром. Она встретила меня ослепительной улыбкой и огромными серыми глазами, полными любви. Я притянул к себе жену и крепко поцеловал. Она ласковой ланью прильнула ко мне обнажённым телом, с жаром отвечая на мой поцелуй. Горячие поцелуи и горячее тело жены разбудили моё естество. Эя только пискнула, когда мы сплелись в единое целое. Эта некрасивая на вид и стеснительная девушка оказалась ласковой и раскрепощенной в постели. А я честно выполнил долг продолжателя рода.

После пяти дней пиршества в доме невесты вся компания перебралась в Любосты, и всё пошло по новой. Мы с Эей не имели право прикасаться к хмельному, но пищу потреблять разрешили.

На пиршестве присутствовали ещё три пары счастливых глаз: матушки Эгле и родителей Эи. Они со счастливыми лицами смотрели, как хорошо всё сладилось у молодожёнов.

Через пять дней, когда уехал последний гость, мы с Вездотом занялись подготовкой к торговому плаванию. Гонец ещё вчера приплыл с вестью, что караван из Кукейноса выходит в пятый день месяца Соков (апрель*). Как пояснила матушка, в Новен караван прибудет где-то десятого числа этого месяца. У нас оставалось менее пятнадцати дней, чтобы подготовить и загрузить нашу ладью. Все мои родичи и холопы разъехались по селениям и селищам сообщать о скором прибытии каравана.

Поздним вечером, отринув все хлопоты, я спешил к своей молодой жене, чтобы вновь утонуть в её огромных серых глазах, уткнуться носом в её пышные волосы, пахнувших травами, и замереть от лёгкого покусывания моего уха, любимого занятия моей жены.

Сколько было слёз, когда две женщины: матушка Эгле и Эя провожали меня, стоя на причале. За прощальным завтраком жена сообщила мне, что она непраздна и будет ждать скорейшего возвращения мужа. Она знала, что наша ладья поплывёт до Киева и что ждать меня стоит не раньше весны следующего года.

Караван, ведомый кормчими из местных, которые меняли друг друга чуть ли не каждые пятьдесят поприщ медленно поднимался на веслах вверх по течению, лавируя в уз-

ких проходах между многочисленными островами, обозначенными только верхушками деревьев, торчавших из высокой воды. Половодье скрывало все пороги и отмели, которыми изобиловала великая река от череды излучен, сменяющих друг друга на расстоянии более двух сотен поприщ вверх по течению от Новен и до Полоцка.

В Полоцке караван разделился. Большая часть судов осталась в городе. После двухдневного отдыха моя ладья и ещё десяток однодревок поплыли дальше, в сторону Витебска.

До этого я никогда не ходил дальше Полоцка, поэтому с интересом обозревал окрестности. В отличие от латгальцев, которые редко селились на берегах рек и предпочитали прятать свои селения за стенами глухого леса, полочане оседлали высокие холмы на берегу Двины, как здесь местные жители называли нашу Даугову. Селища, как правило, окружал высокий тын, сооружённый из жердей с заострёнными концами. Высокая ограда из заострённых брёвен окружали более крупные поселения – городища, которых немало повстречалось на пути к Витебску.

Местные жители встречали наш караван на небольших ладьях и лодках. Они предлагали нам мясо, сыр, рыбу, молоко, медовуху, свежие караваи хлеба. Ремесленники предлагали свои товары: горшки, миски, плошки, изделия из же-

леза, льняные ткани и пряжу. Нам с Вездотом даже удалось прикупить за серебро недорого два сорока собольих и куных шкур и с десятков свёртков льняной ткани.

Витебск оказался намного меньше и намного беднее стольного города княжества. Рынок тоже не впечатлил размером и разнообразием товаров. Я насчитал только три церкви в городе и из которых только одна оказалась каменной. Как жители, так и их жилища также выглядели победнее полоцких. Мы побродили немного по улицам Витебска.

Долго в городе мы не задержались. Пополнили запасы еды, отдохнули и поплыли дальше, в сторону Сурожа. Вышли на рассвете и уже вечером вошли в приток Двины – речку Касплю. От Витебска до Каспли Даугова ещё выглядела довольно широкой, но было видно, что дальше, за притоком она заметно сужалась. Как рассказал кормчий, мы проплыли над сплошной чередой порогов и одиночных валунов, которые делали непроходимым для больших судов этот участок реки при низкой воде. Но и без этого мы шли не очень быстро, лавируя между многочисленными островами.

Войдя в речушку, мы стали на отдых. Нужно было дождаться возвращения кормчего. Знатока русла Каспли пришлось ждать весь следующий день.

Дальше шли ещё медленнее и только на вёслах. До селения Волоковая, которое местные называли «ворота» дошли за три дня. Это было хорошо укреплённое городище. На наше счастье, артель работников волока недавно вернулась с той стороны, и мы быстро сговорились с ними на перевозок нашего каравана в Днепр на следующий день.

Мужики споро за два дня перетащили наши суда. Они где-то перемещали их при помощи упитанных тягловых быков по крутящимся вокруг своей оси брёвнам, на каких-то участках использовали огромный ворот, а где-то даже толкали ладьи вручную.

Мой корабль сволокли в числе первых, и мне пришлось два дня провести возле других «ворот», укреплённого селения Ермаки. Но это даже оказалось нам на руку. За это время проверили днище и наращенные борта и нашли ладью совершенно целой. Проверили товар. Его нигде не подмочило, не повредило.

Плыть по Днепру вниз по течению получалось намного быстрее. Мы сделали короткую остановку в Смоленске, где от нас отделилось два челна.

Через шесть дней мы подплывали к Киеву. Он стоял на трёх высоких холмах, окружённый высоченными крепост-

ными стенами, сложенными из толстенных дубовых брёвен. Так как мы приплыли поутру, то огромная белокаменная башня уже зияла распахнутым зевом широких ворот.

Мы причалили к пристани и стали дожидаться мытников, чтобы в последний раз заплатить, но уже не за проезд мимо очередного большого города, а за право продать свой товар в главном русском городе.

За время плавания выяснилось, что из всего нашего каравана только несколько человек, включая меня, умели считать. А вот читать и писать умел только я. В том моём времени, когда мне стукнуло восемь лет, отец отвёз меня в Герсику, в школу при церкви, а в одиннадцать лет – в Полоцкий монастырь. Он не хотел видеть меня православным попом или монахом, но постарался, чтобы я стал грамотным человеком. Он сам знал счёт, умел писать и мог читать церковные книги.

После обучения в монастыре я знал арифметику, умел говорить, читать и писать на русском, болгаро – церковном, греческом и латинском языках. Прочитал все книги из монастырской библиотеки. В моём мире у меня дома осталось три книги, переписанные мною лично во время моей учебы в Борисовском Полоцком монастыре. Это Изборник Святослава, Геродотов трактат «История» и Остромирово Еванге-

лие.

Меня ещё в Полоцке на сходке избрали старшим каравана, несмотря на то, что у купца из Герсики на Киев шли три ладьи. Все расчёты с мытниками как в Полоцке, так и в Витебске, Смоленске и других городах проводил я. От того работы в Киеве у меня прибавилось в одночасье. Никто не пытался скрыть что-то от мытников, но и лишку платить никто не хотел.

В Смоленске я расспросил купцов на местном рынке и нашёл торговца, прибывшего в этот город из Киева. После хорошего угощения и обильного возлияния киевлянин подробно рассказал мне, к кому обратиться в стольном граде, чтобы получить хорошее место для торга, и как его отблагодарить.

Мы поступили согласно его поучениям, и наша ладья получила несколько торговых лавок в главном проходе киевской торговой площади, где мы и расположились. Я не только подробно расспросил того киевского купца о ценах на наши товары, но и тщательно всё записал на берестяных лоскутках. Эти знания помогали нам отбиваться от большого числа перекупщиков, желавших по дешёвке скупить товары у приезжих неопытных торговцев, каковыми мы, по сути дела, и являлись.

Одни пытались увещевать нас, выдавая свои цены за самые выгодные для продажи гуртом. Другие стращали, что с такими ценами мы просидим в Киеве до следующей весны. Они не знали, что моя ладья собирается пробить в Киеве подольше, дожидаться прихода летних торговых караванов из Царьграда и закупиться прибывшими с ними заморскими товарами. Только после этого я с моими родичами – компаньонами планировали вернуться в Смоленск. Там поторговать купленным в Киеве и осенними дождями вернуться домой с частью заморских товаров. Поэтому нам не было надобности куда-либо спешить, и мы твёрдо держали цену.

Недалеко от нашего торгового места находилась палатка греческого торговца книгами и рукописями. Я ещё в монастыре пристрастился к чтению и при первой okazji посетил эту лавку.

Книги стоили безумно дорого. Мы только развернули торг, поэтому о покупке даже простого свитка оставалось только мечтать. Но я приходил в лавку и просматривал имеющиеся книги, отбирал заинтересовавшие меня фолианты и записывал их авторов и названия.

Однажды, когда я, положив очередную книгу на подставку, бережно перелистывал страницы, знакомясь с содержа-

нием и оформлением фолианта, в палатку вошёл высокий худой священник. Длинные седые волосы, ниспадающие на плечи, подёрнутые сединой усы и борода говорили о почтенном возрасте вошедшего. Чёрная ряса, сшитая из богатого на вид сукна, и большой золочёный крест, свисающий на груди, говорили о высоком положении попа. Он вполголоса заговорил с продавцом. Я заметил, что монаха заинтересовала моя персона, и он то и дело бросал взгляд в мою сторону. Переговорив с торговцем, монах подошёл ко мне и через мою голову посмотрел на книгу, которую изучал.

— Ты сумеешь буквицы, сын мой? — спустя некоторое время обратился ко мне старец, находясь за моей спиной.

— Да, отче, — смиренно ответил я, поворачиваясь к священнику.

— Как звать тебя? — продолжит расспросы поп, протягивая при этом руку для поцелуя.

— Я Целав из Любосты, что близь Герсики в Полоцкой земле. — я назвал себя, целуя протянутую руку.

— Ты крещён?

— Да, святой отец, — заверил я. — Я крещён под именем

Дмитрий.

– И письму обучен? – поинтересовался священник.

– Обучен, отче, – подтвердил я.

– А на каких языках писать и читать сумеешь? – не оставал старец.

– На русском, болгарском для церкви, греческом и латинском.

– А не хотел бы ты, сын мой, стать писателем книг и свитков? – неожиданно предложил священник.

– С превеликим удовольствием приобрелся бы и опыт списания имеется в бытности моём обучении в Полоцком монастыре, – смиренно ответил я, – но в Киеве у меня торговый интерес, и лавка моя находится неподалёку.

– Воля твоя, сын мой, – разочарованно вымолвил поп, – но если передумаешь, то найдёшь меня в княжеских палатах. Спроси у стражи игумена отца Сильвестра, и они сопроводят тебя ко мне.

Сказав это, он резко развернулся и быстро покинул палат-

ку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вопреки предсказаниям перекупщиков, наши товары торговались очень бойко. Большую часть воска, льняных тканей и всю мягкую рухлядь мы не выставляли. Мы не выставили их с прибытием первых двух торговых караванов из Царьграда, так как цены на товары, интересующие византийцев, держались низкие по причине их обилия. Мы ожидали прибытия последующих караванов из Империи и латинских стран.

По мере истощения торговых запасов у меня появилось больше времени на посещение книжной лавки, и я уже просмотрел две книги, которые намеревался выкупить перед отплытием домой.

В тот день я в очередной раз наведалься в книжную палатку, чтобы обсудить трактат Страбона с Феофаном, владельцем этой лавки. Об этом мы сговорились с торговцем в предыдущее моё посещение.

У входа в палатку мы столкнулись с богато одетой киевлянкой. Вернее, это она буквально врезалась в меня. Задох-

нувшись от возмущения, она злобно посмотрела на меня, и я тут же утонул в бездонной глубине её голубых глаз. Алые пухленькие губки уже разомкнулись, чтобы злобно отчитать меня. Но вместо того, чтобы разразиться бранью, её васильковые очи округлились по какой-то причине и уставились на меня. Его губки расплылись в улыбке, проявив очаровательные ямочки на пухлых щёчках.

Мы бесконечно долго стояли, глядя друг на друга широко распахнутыми глазами. И не было сил отвести взгляд.

На самом деле это длилось буквально пару мгновений, разрушенных голосом холопки:

– Госпожа, с вами всё хорошо.

– Да, Дарина, – вздрогнув от неожиданности, негромко произнёс синеокий ангел, – всё хорошо. Следуй за мной.

Одарив меня на прощание ослепительной улыбкой, девушка развернулась и удалилась по главному рыночному проходу в сопровождении холопки, державшей в руках какую-то небольшую, но толстую книжку. Я не осмелился долго смотреть им вслед.

– Кто это был? – спросил я у Феофана, войдя в лавку.

— Как кто! — выгнув брови от удивления, воскликнул грек. — княжна Марица Владимировна, дочь великого архонта Руси Владимира Мономаха! Я взял первую попавшуюся книгу, чтобы скрыть своё состояние, положил её на подставку, раскрыл наугад и сделал вид, что погрузился в её изучение. Я смотрел на цветную картинку в раскрытой книге, но перед глазами стояло радушно улыбающееся девичье лицо и огромные голубые глаза, в которых хотелось утонуть. Я пытался отринуть наваждение, но милый образ вновь и вновь возникал в моём сознании, заставляя сердце учащённо биться.

Феофан подошёл ко мне и что-то у меня спрашивал. Я отвечал, совершенно не осознавая что. В итоге грек, подивившись моим бестолковым ответам, оставил меня и вернулся в свой угол. А я продолжал пребывать в полном смятении чувств.

Осознав тщетность всех моих попыток выкинуть из головы образ княжны, я покинул палатку книготорговца и ушёл на нашу ладью, где укрылся на корме. Умом я прекрасно осознавал, что я, сын мелкого латгольского вождя, даже мечтать не смею о дочери правителя всея Руси. Но сердце ныло, а душа рвалась к прекрасной славянке.

Прошло несколько дней, и острота переживаний немного притупилась, оставив в моей душе некую сладостную негу. Мало-помалу я приходил в себя. Вновь вник в торговые проблемы, благо в Киев пришёл очередной речной караван с юга. Торжище оживилось приходом новых продавцов и покупателей.

На наше счастье, среди византийских купцов приплыл хороший приятель грека – книжника. Книготорговец при первой же okazji познакомил меня со своим приятелем. Я показал греческому купцу все наши товары. Он долго нюхал, щупал, рассматривал на свет наши торговые припасы и согласился скупить большую часть наших товаров, дав хорошую цену. За малую толику вознаграждения я также сосватал подобные товары наших торговцев – одноплеменников, которые остались довольными такой выгодному и быстрому сбыту торгового добра.

Мы ударили по рукам, и наша мошна пополнилась солидным количеством греческого золота и серебра. Мы оставили только немного льняных тканей и воска для продажи или обмена на товары латинян, приход сухопутного каравана которых ожидалось со дня на день.

Проживая в стольном граде, латгальским мужам приходилось соответствовать всем требованиям пребывания в Ки-

еве, в том числе посещать церковь как минимум по воскресеньям и в православные праздники.

Среди купцов, торговавших в городе, как местных, так и приезжих, существовало правило одаривать церкви богатыми пожертвованиями после выгодных сделок. Поэтому вся наша латгольская купеческая братия с богатыми дарами посетила святую Софию в четвёртый день православной седмицы, в праздник Вознесения Господня, чтобы одарить церковь и отстоять праздничный молебен.

Пришли в собор загодя, до начала молебен, чтобы вручить настоятелю собора дары. Служка сопроводил меня, моего брата Вездота, купца их Герсики и наших холопов, несущих подношения, в покои настоятеля. Там мы вручили наши дары.

До начала мессы оставалось достаточно времени, но мы вошли внутрь Святой Софии, чтобы занять лучшие места.

По случаю Праздника и ожидаемого присутствия Великого князя с семейством молебен проводил сам митрополит Киевский Никифор.

Когда в собор вошла великокняжеская семья, народ дружно повернул голову в сторону княжеской процессии и зашу-

мел, обсуждая увиденное. Великий князь Владимир Всеволодович с фамилией и челядью занял почётное место.

Я стоял у колонны с правой стороны от князя и рассматривал его семейство. Вдруг из-под белоснежного платка девушки, стоящей с края, меня полоснуло голубой молнией васильковых глаз. Сердце моё забилося раненым зверем, душа наполнилась сладостной негой, а ноги стали как чужими. Это взглянула та, которой я бредил несколько дней: княжна Марица.

Глаза княжны удивлённо округлились, когда она узнала меня и в них вспыхнул некий огонёк. Наши взгляды встретились буквально на мгновение, и Марица тотчас опустила глаза долу. Мне было не по чину глазеть на княжну, поэтому я наблюдал за девушкой исподволь и короткими взглядами.

Начался молебен, и я полностью погрузился в таинство мессы. В свите митрополита я увидел и игумена Сильвестра, с которым я имел беседу в книжной лавке. И тут я вспомнил, что говорил этот священник о том, где всегда можно его найти: в тереме великого князя. Мне пришла дерзкая идея принять предложение игумена стать писателем книг и рукописей, чтобы получить возможность видеть княжну Марию.

После окончания молебна я сообщил двоюродному бра-

ту Вездоту о своём решении пойти в переписчики книг к игумену Сильвестру. Брат уже знал о моей страсти к книгам, поэтому ничуть не удивился такому моему решению.

На следующий день я уже предстал перед светлыми очами Сильвестра, настоятеля Михайловского монастыря, что на Вырубях.

– Очень хорошо, сын мой, что ты внял посылу разума и решился принять моё предложение, – изрёк игумен, протягивая мне руку для поцелуя. – Следуй за мной, я представлю тебя остальным писателям.

Пройдя по бесчисленным коридорам и переходам, мы оказались в большом помещении, уставленном наклонными столами и лавками подле них. Три стола оказались занятыми монахами в чёрных ризах, которые при свете больших лампад, свисающих с потолка, корпели над каким-то свитками.

Игумен представил меня всем писцам и показал мне моё место работы.

Первым делом он подал мне церу – деревянную дощечку размером пядь на пядь с выпуклой каймой, заполненной вровень с нею воском, и костяное писало. Таким образом, настоятель решил проверить мой почерк и грамотность.

Сильвестр медленно продиктовал мне несколько предложений. Я споро вывел на воске продиктованные мне слова, стараясь выводить буквицы одинаковыми по размерам и красивой ровной строкой. В монастыре я слыл самым грамотным учеником, поэтому за правильность начертанных слов я не опасался.

Настоятель взял у меня дощечку и, повернув её в сторону открытого оконца, прочитал. По благожелательной улыбке на его лице я понял, что он оказался доволен моим письмом.

– Добро! – изрёк игумен. – Стило твоё ровное, аккуратное и читается легко. Да и помылок я не нашёл в словах.

Он загладил мою писанину и приказал нарисовать заглавную букву «аз».

В бытность моего ученичества мне всегда поручали рисовать заглавную букву, поэтому это задание я выполнил быстро, изваяв при этом два варианта нужной буквицы.

Сильвестр вновь остался доволен моими рисунками.

– Зело добре, – заключил он, рассматривая дощечку. – Ты выказал способность к каллиграфии, грамотности и рисованию.

После этого игумен устроил мне проверку моих познаний в счёте, географии, истории, философских учениях. Мы провели в беседе долгое время, и он остался удовлетворённым моими познаниями. Многие ответы на его вопросы поразили его, так как я использовал знания, полученные мною в том веке, который наступит только через сто лет. Игумен даже пытался оспорить мои ответы, но я убедительно доказывал свою правоту. Правда, присутствовали некоторые нюансы в исторических данных, которые были неизвестны в моем времени. Это стало откровением для меня.

– Хорошо, сын мой. Будешь трудиться у меня, – подвёл итог священник. —

Жить будешь в соседних покоях. Послушник Ириней покажет тебе твою келью.

– Позволь, отче, пожить пока с моими одноплеменниками, – смиренно потупив голову, попросил я. – Хочу пожить с братом и сотоварищами до их отплытия на родину, потому что без моей помощи им не справиться с подсчётами и записями по торговле.

– Хорошо, – немного подумав, согласился настоятель. – Но к заутренней ты должен стоять возле амвона в Десятин-

ной церкви.

– Слушаюсь, отче, – склонив голову, ответил я и удалился, повинувшись жесту игумена.

В ладье я наскребал на бересте результаты дневных торгов со слов Вездота и купцов – родичей и помог подготовиться к завтрашнему торгу.

В утра следующего дня началась моя служба в переписной мастерской при великокняжеском дворце.

Вначале мне поручили переписать на новый пергамент очень старую рукопись со статьями Русской правды по заказу самого великого князя Владимира. Рукопись выглядела довольно потрёпанной, и в некоторых местах слова читались с большим трудом. По моему мнению, я провозился с переписью текста очень долго: целую седмицу, но Сильвестра поразила скорость моего пера.

До сих пор мне не удавалось увидеть княжну, но игумен расхвалил князю мою работу, глубину моих познаний в различных науках, и тот пожелал меня лицезреть.

Великий князь встретил меня доброжелательно, усадил на лавку и стал беседовать на различные темы, как учёный муж

с учёным. Когда мы с бесед по географии и перешли к истории мира, в покои вбежали две девушки, весело пересмеиваясь. Одной из них была Марица. Имени второй княжны я не знал. При виде этих щебетуний, я вскочил на ноги и склонил перед ними голову. Мои действия явились неожиданностью для князя, и он удивлённо вздёрнул брови. Я также удивился своему поступку. Корее всего сказался тот факт, что мы, монастырские школяры, всегда вскакивали со своих мест, когда нашу аулу входила Параскева, настоятельница Спасо-Преображенского монастыря, бывшая в миру родной дочерью полоцкого князя.

Девушки, также не ожидавшие такой реакции молодого парня на их приход, зарделись от смущения и замерли, потупив взор. Хотя Марица при этом ухитрилась так склонить голову, что позволило ей рассмотреть меня. Очнувшись от лёгкого ступора, молодницы заявили, что зайдут позже и степенно удалились из комнаты. А мы, как и прежде, продолжили беседу. Но я заметил, что князь стал как-то по-другому смотреть на меня: более пристально, изучающе.

– Отец Сильвестр поведал мне, что ты выказал большие познания в географии нашей Эйкумены и широкие познания в прошедших событиях нашего мира, – продолжил расспрашивать меня князь. – Где ты обрёл такие познания?

– В Борисоглебском Бельчицком монастыре в городе Полоцке, государь, – ответил я, – но многие знания я почерпнул из чтения книг в библиотеке монастыря.

– Ни я ни отец Сильвестр ничего не слышали о таком монастыре, – высказал удивление Владимир, – как давно он стоит в Полоцке.

Слова великого князя ввели меня в замешательство. Я стал лихорадочно вспоминать, когда основали сей монастырь. Игумен нашего монастыря рассказывал, что первые братья обосновались в селе Бельчицы в близь Полоцка во время правления Полоцкого князя Всеслава Изяславовича. О чем я и поведал князю Владимиру.

– Посему видать, большой мудрости монахи той обители, если обучают отроков таким премудростям, – заключил монарх, – было бы полезно связаться с ними.

Ещё задав несколько вопросов, князь повелительным жестом отпустил меня. Я поклонился по пояс и удалился.

На следующий день игумен Сильвестр принёс мне несколько тетрадей, сшитых их пергаментных листов и попросил прочитать их очень внимательно.

Я подивился такой просьбе и принялся читать написанное в списках.

В мои руки попали книги, написанные в разное время, но основная масса выглядела свежими произведениями.

Эти тетради являлись летописным сводом, записанным Нестором, монахом Киево-Печерской лавры, и прозывалась «Повесть временных лет». До сих пор я только краем уха слышал о существовании русских летописей, но не сподобился прочитать ни одной из них.

Я буквально зачитался попавшими в мои руки книгами, явившимися откровением для меня. Никогда до сих пор я не имел возможности так ясно и последовательно проследить историю славянских народов и проследить родословные русских князей, в том числе и Полоцких. Я бывал о том, что нужно идти на трапезу. Если бы не отец Сильвестр, я бы и спать не ложился бы.

На прочтение всех двадцать восемь тетрадей у меня ушла седмица и ещё один день. По завершении чтения, я сообщил об этом игумену. Тот подивился такой быстроте прочтения и даже устроил мне небольшое испытание по текстам книг. При опросе он уделил особое внимание описанию деяний князей русских.

Я, конечно, не смог запомнить дословно жизнеописания всех князей, но основные события пересказал успешно.

– Весьма похвально, сын мой, что ты так основательно ознакомился с содержанием этих книг и многое запомнил, – заключил настоятель после завершения испытания. – Я уверен, ты мучаешься в неведении о цель, с которой я заставил тебя прочитать этот труд монаха Нестора.

– Да, отче, но я не могу осознать твоего замысла, – согласился я.

– Великий князь Владимир Мономах поручил мне переписать некоторые тетради для того, чтобы создать повествование о единой древней династии князей, берущей начало от одного прародителя.

– А для чего это нужно, святой отец? – поинтересовался я.

– Чтобы на летописной основе утвердить, что князья Киевские с давних времён являются истинными Великими Князьями, законными владыками Земли Русской.

—Так Киев и так является стольным градом Русской державы и ему подвластны все удельные княжества! – удивился

я.

– Ты же прочитал Несторовский Свод, – указал игумен, – и должен помнить, что Ярослав Владимирович перенёс Великокняжеский стол в Киев в 6527 году, а до этого стольным градом являлся Изкоростень.

– Прости, отче, – я склонил голову перед настоятелем, – но я своим скромным умом не могу осознать глубину замысла великого князя. Что нам нужно запечатлеть в новом варианте летописи?

– Нам нужно вычистить из Свода все сведения о древлянском происхождении рода Великих Князей и по возможности подчистить все упоминания о том, что это Древлянские князья объединили вновь некогда распавшуюся Великую Русскую Империю, которую иноземные историки называли Великой Скифией. Для нас существует поручение создать новую и единую династию Великих Киевских князей. Создать такую родословную, чтобы и все русские княжеские династии стали бы ветвями этого рода, подчинялись Киеву беспрекословно, и все соседние государства признали древность и законность правления Киевского княжеского рода на Руси.

– А какие у нас сейчас династии? – осведомился я и пояс-

нил, – Нам в монастыре больше о церковной иерархии рассказывали, да о Полоцких князьях.

– Сейчас на Руси существуют: династия Древлянская, Черниговская династия, Полоцкая династия, Муромская династия, Вятская династия, Смоленская династия и множество мелкопоместных княжеских родов.

– А что, кто-то из соседей земли нашей берёт под сомнение право Великого Князя Владимира на русский престол?

– Да, – подтвердил настоятель. – И ляхи, и Германский император и понтифик Римский пытаются доказать свои исторические права на наши земли и всячески унижить родословную князей русских. Кроме того, единый предок должен способствовать миру на земле нашей.

– А как это может способствовать миру на Руси? – поинтересовался я.

– На нашей земле издревле родители почитаются, а главенство отца в роду неоспоримо. Ежели уходит из жизни отец, то главой в семье или роде становится старший сын. Смекаешь?

– Ну, в общем, да, – после некоторых раздумий ответил

я, – если все князья будут происходить от единого предка, то всякая усобица будет делом богопротивным, так как сын пойдёт против отца, а младший брат – против старшего.

– Правильно, сын мой, – подтвердил мою мысль отец Сильвестр, – А все другие княжеские рода вынуждены будут признать главенство Киевского князя как историческую данность и божественный промысел. Поэтому Владимир и повелели создать такого родоначальника и внести правки в Никоновские повести.

– Ляхи тоже издавна точат нос на Киев-град, – добавил игумен. – Придумали сказку о неких братьях Кие, Щеке и Хориве, якобы основавших Киев. А эти братья являлись сынами ляшского князя Попела. Так вот, Кий с братьями увели часть полян от Вислы к Днепру и основали Киев-град. Сим они пытаются обосновать законность своих притязаний на Великорусский стол, коль сейчас он в Киеве.

– А как было дело на самом деле? – поинтересовался я.

– Существуют записи о том, что Киев-град основан по приказу древлянского Олега Вещего на месте существовавшей тогда Киевского перевоза, – пояснил Сильвестр. – Действительно, когда-то полянский князь Кий владел вышеназванным перевозом. Великий князь Олег же построил новый

град как в качестве сторожевой крепости на окраине государства, так и как погост, куда свозили дань поляне, северяне и другие окрестные племена, данники Руси.

– А какие требования предъявляет Великий Князь к кандидату. – я поменял тему разговора.

– Он должен быть славянского рода – племени, – стал перечислять Сильвестр. – У него должна быть очень древняя родословная и он должен быть хорошим воином.

– И где мы такого родича найдём? – с сомнением поинтересовался я.

– Русская земля всегда притягивала множество знатных и родовитых, но бедных князей и бояр, желающих предложить местным правителям свой меч в услужение. Для того, чтобы подыскать нужную кандидатуру, Великий князь дает нам позволение изучить рукописи и книги в своей библиотеки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Столько книг и свитков в одном месте, как в библиотеке Великого князя, я никогда в своей жизни не видел. Все пространство вдоль стен помещения оказалось уставленным

огромными сундуками, в которых хранились все эти письменные источники. Если игумен проводил в библиотеке не более двух – трёх часов, то я даже ночевал там на одном из сундуков, превращаемым каждый раз с мою постель руками слуг. Сюда же холопы приносили мне еду и питьё.

Первоначально я, как обычно, отправлялся ночевать на нашу ладью, чтобы подвести итог дневных продаж, подсчитать прибыль и внести соответствующие записи в тетрадь. Когда Великий князь прознал об этом, он велел скупить все наши товары в казну, чтобы освободить меня от этой обязанности. Теперь я смог всё своё время посвятить изучению рукописей.

Очень часто библиотеку посещали дочери князя Владимира. Они брали из одного из сундуков нужную им книгу и тихонько сидели в уголке, увлечённые чтением. По-видимому, они были предупреждены отцом и старались мне не мешать. Они даже не представляли, какую бурю в моей душе своим присутствием. В те моменты я не мог ни только читать, но даже соображать нормально. Тем более, я многократно замечал, что княжна Марица периодически бросает взгляд в мою сторону.

Не знаю с чьего почина князь Владимир Всеволодович обратился ко мне через отца Сильвестра с просьбой поде-

литься знаниями в географии и истории с княжескими отроками. В тот же вечер меня отвели в светёлку, где уже сидели за длинным столом княжичи Юрий, Роман и Андрей и дочери Великого князя Марица и Евфимия.

Я постарался вести свои уроки языком, понятным для отроков и юниц, повествуя о государствах, землях и народах, которые существуют ныне, и о тех, что существовали прежде. Вероятно, я был хорошим рассказчиком, поэтому видел, с каким вниманием и неподдельным интересом слушали меня княжеские отпрыски. Я видел блеск в глазах княжны Марицы, внимающей моим повествованиям. Я был благодарен князю Владимиру, за то, что он дал мне возможность на время отключаться от штудирования книг и свитков. Но самое главное, он дал мне возможность видеть княжну Марию и, как учителю, возможность общаться с нею.

Через месяц я предоставил настоятелю Сильвестру список возможных кандидатов в родоначальники киевских князей. Неожиданно для меня Владимир Мономах остановил свой выбор на Рюрике, ничем не приметном князе из племени полабских славян – ободритов. Я думаю, что выбор выпал на этого князя потому, что старинный род Рюрика происходил от князя бортичей Выслава, был вагром по происхождению. На Руси это племя, занимавшееся как варкой и торговлей соли, так и разбоем, называлось варягами.

В рукописи, списанной с новгородской хроники, указывалось, что князь Рюрик являлся средним сыном Великого князя ободридского Годлава. Как правило, власть и вотчину наследовал старший сын. Младшие сыновья не получали ни власти, ни земли. Они обычно набирали себе дружину из таких же воинов без наследства и уходили из племени в поисках славы и богатства. К ним прибивались воины из других племён и народов, образуя то ли войско, то ли сборище лихих людей. На своих ладьях вагры совершали набеги на прибрежные земли. Поэтому всех разбойных мореходов уже в моём времени стали называть варягами и даже море, в которое впадала Даугова, славяне и балты называли Варяжским.

Вот и Рюрик покинул родную землю и уплыл восвояси в поисках удачи. Около двух сотен воинов пожелали присоединиться к князю. Рюрик со товарищи приплыл в Новгородскую Землю и нанялся со своей дружиной охранять соляные промыслы на озере Ильмень. Там же он женился на дочери одного из новгородских князьков.

Новгородцы уже в то время практиковали приглашение князей со стороны, чтобы избежать усобицы между местными правящими кланами. Приглашённый князь ведал военными делами на Земле Новгородской, а также выступал независимым судьёй в спорах местных элит между собой.

Как я уже писал, Рюрик имел под своей рукой две сотни дружинников – варягов. Когда из-за моря в реке Нева появились ладьи других варягов – разбойников, начавших грабить окрестные веси и погосты. За неимением своего князя – воеводы, новгородцы упросили Рюрика выйти со своей дружиной навстречу татам. Рюрик разбил их при впадении реки Волхова Озеро Нево (Ладожское озеро**).

Незадолго до нашествия разбойников, новгородцы изгнали рангом равного с Рюриком варяжского князя, не пришедшегося горожанам ко двору. Новгородцы, впечатлённые ратным подвигом ободрита, разбившего большее по численности войско, пригласили Рюрика на княжение.

Больше ничем выдающимся князь не прославился. Конечно, он исполнял свой долг военного князя, обороняя землю от своих же сородичей – варягов, периодически приплывавших на землю ильменских словен, чуди и веси, чтобы пограбить их. Также он отвадил нурманов и прочих свеев соваться в славянские земли.

Для защиты Новгорода от внезапных набегов иноземцев Рюрик уговорил местных правителей построить город – крепость Ладогу. В крепости он посадил гарнизон, который накрепко закрывал проход по реке Волхов. Но никакими действиями по укреплению власти князя и влияния Новгорода на

жизнь соседних племён он замечен не был. В анналах отсутствовали и указания, что он присоединил новые территории к Новгородской земле. Он лишь собирал дань с подвластных окрестных народов в пользу Новгорода.

Под руководством отца Сильвестра мы вписали в летопись сказку, что род Киевских князей пошёл от этого варяжского князя. Олег, прозванный в народе Вещим, являлся истинным князем, собравшим воедино многие русские земли, и упоминания о его деяниях встречались как в скрижалях русских, греческих и латинских. Но он не мог быть наследным сыном Рюрика, так как являлся практически ровесником вышеуказанного князя. Поэтому мы записали исконного киевского князя Олега рядовым варяжским князем, вассалом Рюрика.

Для того чтобы выстроить родословную линию от первого варяжского князя к Ярославу, деду Владимира Мономаха, пришлось Игоря, внука Олега сделать родным сыном Рюрика. А действительного деда записать регентом при малолетнем будто бы сыне новгородского князя. Игорь фигурировал в договорах между Царьградом и Русью, поэтому его было необходимо сохранить в летописи. Только существовавших в реальности двух Игорей: Игоря-старого и Игоря-младого, пришлось объединить в одно лицо. Благо ни в одном документе не указывался отец Игорей. Поэтому создать единого

Игоря, наследника Рюрика, не представляло особого труда.

Я посчитал годы жизни Игоря и вышло, что он прожил шестьдесят семь лет и зачал своего единственного сына Святослава в возрасте шестьдесят четыре года. Несуразным получился тот факт, что опекун Олег не передал великокняжеский стол Игорю, когда тот стал совершеннолетним. Игорь вошёл на престол только в возрасте тридцать четыре года. А в возрасте более шестьдесят лет он ещё возглавил два похода на Царьград, проделав огромные расстояния. Вернувшись домой, он еще многие лета бодро скакал по Руси, лично взимая дань с покорённых Олегом народов.

В шестьдесят девять лет он, Великий князь великой и богатой дравы, вдруг осознал себя нищим и нагим. В порыве поразительной жадности князь решил дограбить ограбленных только что древлян и с малой дружиной вернулся за новой данью.

Эта история фигурировала в записях Нестора. Сильвестр повелел лишь заменить вятский город Корьдно на Изкоростень, а вятских мужей на древлян.

Мы с Сильвестром исказили историю убийства Игоря с целью очернить Древлянскую династи. Вятский князь Мал, убийца Игоря-младого, превратился в древлянского князя, душегуба Игоря-единого.

Игумен же приказал внести запись, что древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. Это было сделано, чтобы принизить главную роль этого племени в возрождении Русского государства.

Такая же неувязка случилась с годами жизни супруги Игоря, княгини Ольги. Согласно нашим записям, она родила князю Игорю наследника только на тридцать девятом году их супружества, в возрасте около пятидесяти лет. Другого сына Глеба она родила ещё позже и об этом княжиче решено было в летописи не упоминать, чтобы не плодить ещё больше нелепиц.

В сценах мести Ольги за смерть мужа, описанных Нестором, мы также заменили все упоминания о вятичах на древлян.

Сильвестр в какой-то рукописи прочитал легенду о голубях, помогших одному из библейских царей завладеть вражеским городом. Он перенёс эту историю в Свод и сделал эту историю причиной падения Изкоростени во время мнимой его осады киевлянами во главе с княгиней Ольгой.

Не лучшим образом воспринимались строки, гласящие,

что древлянский князь Мал, убийца Игоря, посылал сватов к пятидесяти пятилетней княгине Ольге.

Согласно родовым княжеским спискам, князю Малу тогда только что исполнилось двадцать лет. Он же являлся отцом Гориславы. Дочь Мала имела прозвище Малуша, то есть дочь Мала. Все эти сведения были нами затёрты из имеющихся у нас анналов. В летописи же она получила имя Малуша. Хоть вятская княжна и являлась одной из законных жён Святослава, сына Игоря-младого, её пришлось записать наложницей, вымарав её реальное происхождение.

Все эти несуразицы выплыли от того, что деяния Олега, Игоря-старого и Игоря-младого, Ольги и Святослава вписаны в многочисленные исторические свитки как на Руси, так и в заморских странах. А многие русские княжеские династии имеют копии этих документов в своих библиотеках.

Если судить по договорам между Царьградом и Русью, то у Игоря имелись братья, сёстры и племянники. Но их пришлось игнорировать и не упоминать в «Повести», так как это породило бы ещё больше нелепиц.

Самым главным нашим изменением в «Повести временных лет» стало переселение князя Олега в Новгород. По нашему замыслу, он, якобы рядовой варяжский князь, начал

с Севера Руси свой поход на Юг по покорению славянских племён. Хотя в реальности Олег приступил из Изкоростеня к объединению славянских земель под единой дланью Великого князя.

Я обратил внимание Сильвестру обо всех этих неувязках, но он повелел оставить всё как есть. Я думаю, так приказал Владимир Мономах.

Возвращаясь к судьбе Олега Вещего, стоит упомянуть, что мы с игуменом Сильвестром приписали ему убийство князей Аскольда и Дира, как будто незаконно присвоивших титул князей Киевских. Но присваивать было нечего, так как Киевского стольного града тогда ещё не существовало. На самом деле древлянский князь Аскольд являлся отцом Диру, а Дир, в свою очередь, значился в первоисточнике отцом Олега. Аскольда и Дира пришлось записать в единый период правления и выставить киевскими князьями-самозванцами.

Наша переписка на новый лад «Повести временных лет» успешно продолжалась и занимала большую часть дня. Но я не прерывал еженедельные занятия с детьми Великого князя. Если на уроках географии княжеские сыновья откровенно скучали, то в их глазах загорались огоньки неприкрытого интереса, когда я рассказывал о проходах Ганнибала, Александра Македонского и победах римских легионов. Но и де-

вушки слушали, открыв рот, и чуть ли не хлопали в ладошки, когда я живописно описывал этапы битвы киевского князя Святослава с хазарским войском со счастливым концом.

Однажды вечером, когда я, закончив переписывать начисто очередную страницу нового варианта Свода, шел проведать своих родичей на днепровский причал, у выхода из княжеского детинца меня остановила молодая девушка. Присмотревшись, я узнал в ней служанку княжны Марии Владимировны.

– Здрав будь, купец, – обратилась она ко мне без всяких экивоков.

– Здрав будь, прелестница, – добродушно улыбаясь, ответил я.

– Я Дарина, холопка княжны Марии. Моя госпожа желает тебя видеть, – сохраняя строгое выражение лица, объявила девушка. – Она будет ждать тебя сегодня после захода солнца в княжеском саду. Когда солнце коснётся верхушки вот той башни, жди меня у калитки для холопов, и я сопровожу тебя к госпоже.

Выдав мне всё это на одном дыхании, служанка развернулась и удалилась быстрым шагом, оставив меня в полной

прострации. Я не понимал: радоваться мне или печалиться. Встретиться наедине с княжной давно стало моим заветным желанием, но я ясно отдавал себе отчёт о последствиях таких свиданий. Кто я и кто княжна! Владимир Мономах, узнав о наших свиданиях, сдерёт шкуру с меня живого. Но я был молод и горяч. Я был влюблён в княжну Марию и готов был войти в пещеру с дикими зверями, лишь бы встретиться с предметом моих мечтаний.

Поэтому в назначенное время я стоял в указанном месте и с нетерпением ожидал появления служанки княжны. Внезапно я почувствовал, что кто-то коснулся моего плеча. Из тени выступила холопка и, не говоря ни слова, повернулась в сторону калитки и бесшумно шагнула в проход. Я молча последовал за ней.

Я переступил порог девичьей темницы и. Нежные девичьи руки оплели мою шею, а жаркие уста припали к моим губам. И я пропал! Два месяца назад княжна забрала моё сердце, а сейчас поработила моё тело.

Целую седмицу безумных ночей, жарких объятий и страстных поцелуев пролетели как один день. Мы оба словно пытались утолить жажду близости на много лет вперёд. Мы любили друг друга и поэтому потеряли разум. Мы были молоды и ненасытны.

В ту ночь я, как всегда, пробрался в девичий терем вслед за холопкой. Я был в предвкушении желанной встречи, поэтому не придавал значение, что меня в девичьи покои сопровождала другая служанка. Я уже немного ориентировался в тереме и должен был заметить, что мы свернули не туда. Но я ничего не заметил.

Вновь, как и при первой встрече, я шагнул в темноту, и мою шею оплели нежные руки, а в мои губы впились горячие уста. Но это не были руки моей любимой и не её страстные губы целовали меня.

Я отстранился и разжал объятия. Стояла крошечная темнота, и лицо таинственной незнакомки выделялось лишь смутным белым пятном.

– Кто ты? – спросил я, сделав шаг назад.

– Я та, которая полюбила тебя всем сердцем, ненаглядный мой.

– Евфимия? – удивлению моему не было предела.

– Да, наставник, это я! – горячо зашептала девушка, приближаясь ко мне. – Я полюбила тебя в первый день нашего

ученья.

– Но ты же княжеская дочь, а я простой купец и списатель книг! – попытался возразить я.

– Но тебе это не мешало как татю каждый вечер пробираться в покои моей сестрицы!

Она вновь пыталась обнять меня, но я увернулся и случайно слегка толкнул её.

– Ты отвергаешь мои объятия? – недоумённо спросила она.

– Я не люблю тебя, княжна. – я попытался воззвать к её разуму, но достиг обратного эффекта.

– Ты отвергаешь мою любовь, смерд?! – в голосе княжны послышались злые нотки, – Ты осмелился оттолкнуть меня, дочь Великого князя всея Руси?! Ты об этом пожалеешь, холоп!

Она резко развернулась и удалилась из покоев. Я тоже, не дожидаясь развязки, поспешил покинуть терем, благо я изучил все лабиринты его коридоров.

Утром в мою келью постучались. Я вскочил с ложа и несколько мгновений соображал, что такое меня разбудило. Вновь слышался стук, но уже погромче и понастойчивее. Я подбежал к двери и распахнул её. В небольшом проходе стояла Дарина. По её взволнованному лицу и широко распахнутым серым глазам я понял, что что-то случилось.

– Беда, купец! – воскликнула она, юркнув под моей рукой внутрь моих покоев.

– Какая беда? – поинтересовался я, плотно прикрывая дверь. – Что стряслось?

Её волнение невольно передалось и мне.

– Евфимия пригрозила моей госпоже, что расскажет отцу о ваших ночных встречах, когда тот вернётся из похода во Владимир-Волынский.

– А когда ожидается прибытие князя? – задал вопрос я, а сам стал лихорадочно соображать, что теперь делать.

– Вчера прискакал гонец от господина, и он сообщил, что Великий князь усмирил волынских бунтарей и возвращается домой. В Киеве он будет через две седмицы.

– Что велела передать княжна Марица? – осведомился я.

– Госпожа передала, что будет ждать тебя в дубовой роще возле бывшего Перунова капища сегодня в полдень.

Сказав это, Дарина приоткрыла входную дверь, прислушалась и бесшумно выскользнула из кельи.

До полудня оставалось ещё долго, поэтому я умылся и сходил в трапезную на завтрак. Вернувшись к себе, я уселся за переписку рукописи, чтобы чем-то занять себя. Но ничего не получалось. Мысли мои витали далеко от письменного стола. То, о чём сообщила мне служанка, являлось очень плохой вестью. Меня ожидала как минимум дыба. Или, скорее всего, меня тихо удушат в княжеском порубе, чтобы не порочить имя княжеской дочери.

Я так и просидел, поглощённый тревожными мыслями, держа перо на весу и ни разу не коснувшись им пергамента. Песочные часы трижды отмерили время, когда я собрался и вышел из своих покоев.

Чтобы не вызывать лишних подозрений, я как бы не торопясь пообедал и покинул княжеский терем. Дубрава находилась в двух верстах от города и мне следовало поторопиться.

Я только-только вступил под сень вековых дубов, когда услышал стук копыт, а затем и увидел княжну верхом на лошади в сопровождении неотлучной Дарины. Чтобы привлечь внимание всадниц, я вышел из тени разлапистого дуба – великана на открытое место. Завидя меня, княжна повернула коня в мою сторону.

Я подскочил к лошади, и Марица буквально упала в мои руки. Она повернула ко мне своё радостно улыбающееся лицо и впилась в мои губы долгим поцелуем.

– Любимый мой, – ласково проворковала княжна, когда оторвалась от моих губ и положила свою русую головку мне на плечо, – я так соскучилась.

– Любимая моя, – я нежно прижал её тело к груди.

Но тут улыбка исчезла с её лица, и она попросила поставить меня на землю. Я взял её руки в свои и взглянул в её глаза, ставшие серьёзно-напряжёнными.

– Мой милый, беда ждёт нас, – взволновано проговорила она. – Эта змеюка Евфимия пригрозила рассказать батюшке о наших с тобой встречах. Ведь я, как на духу, делилась с нею своими тайнами.

– Я знаю, любовь моя, – я попытался успокоить девушку.

– Но это не все беды, – взгляд княжны стал ещё напряженнее. – Гонец князя привёз приказ, чтобы меня готовили к венчанию.

– Какому венчанию? – опешил я.

– Мой батюшка решил отдать меня в жёны царевичу Льву Диогену, счастливо спасшемся сыну ромейского императора Романа Диогена, – выпалила Марица и разрыдалась на моём плече.

– А он уже старый, – сквозь слёзы произнесла девушка и зарыдала пуще прежнего.

Данное известие буквально лишило меня дара речи. Я молча гладил любимую по головке, пытаюсь утешить.

– Нам нужно бежать, – немного успокоившись, возвестила княжна.

– Бежать? Куда? – я не придумал ничего умнее, как переспросить её.

– Куда угодно, – объявила она, – лишь бы подальше от

Киева.

– Я могу увезти тебя туда, где ни один княжеский холоп нас не отыщет, – немного подумав, заявил я. – Но сможешь ли ты жить другой жизнью, вдали от княжеской роскоши? Жизнью простой, сытной, но не такой богатой, как в Киеве.

– С тобой, любимый, я всё перенесу, ко всему привыкну.

– Тогда не будем откладывать сборы в долгий ящик. – заключил я, – Поезжай в терем и собери всё необходимое в дорогу. Только делай это всё в тайне и ни в коем случае не рассказывая о побеге сестре.

– Хорошо, любимый. – не задавая никаких вопросов, согласилась Марица, – Жди меня по утру на причале. А всем я объявлю, что иду в Ирининский женский монастырь очищаться перед венчанием и пробуду там до приезда батюшки. Так меня никто долго не хватится.

– За две седмицы мы успеем добраться до Полоцка? – заинтересовалась она.

– Да, конечно, – заверил я. – Нам только по Днепру идти за Смоленск против течения, а дальше помчимся вниз, в сторону Варяжского моря.

– До завтрашней встречи, любимый, – проворковала Марица и крепко поцеловав меня на прощание, взобралась с моей помощью на коня. Взяв с места в карьер, княжна унеслась в сторону Киева.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Мои расчёты немного не оправдались. Несмотря на то, что мы шли вверх по течению Днепра на парусах, при попутном ветре и на вёслах, за седмицу мы не дошли даже до Речицы. До вышеназванного городка оставался примерно один дневной переход. Только к концу второй седмицы мы достигли Рши*, где был первый волок из Днепра в Даугову. Нам не было необходимости посещать Смоленск, поэтому мы решили использовать этот переволок, позволяющий нам сократить путь на добрых четыре дневных переходов.

На двухдневный отдых мы остановились не в Рше, а не доходя несколько вёрст до города. Проходя Оршу, мы остановились только около избы мытника. Ему мы доложились, что являемся полоцкими купцами, идущими из Чернигова домой. Стояла середина лета, и кораблей из Днепра в Даугову шло не очень много. Поэтому мы легко договорились со свободной артелью волочилыщиков. За два дня нас волоком перетащили по речке Рше, по двум озёрам, названия кото-

рых я не запомнил, и семь вёрст посуху в речку Лучёсу, впадающую в Даугову.

Дальнейший путь мы проделали вниз по течению. Вначале по Лучёсе, а затем по Двине. Через седмицу наша ладья причалила у мостков вблизи Древнего города. Здесь мы: я, княжна Марица и её верная служанка Дарица сошли с ладьи. Ещё в Киеве я решил, что вернусь с княжной и её служанкой в свой мир. Туда уж точно не дотянутся руки мести князя Владимира Мономаха. С собой я взял только половину своей доли серебра и книги, которые я купил в Киеве. Среди книг находилась и копия «Повести временных лет», которую я тайком списал с летописи, переделанной в угоду Великому князю Владимиру Мономаху. Вторую половину серебра и мою долю товаров я попросил передать матушке Эгле. Так же я передал рукопись, которую я написал во время плаванья для моего будущего ребёнка. В рукописи я описал все ритуалы, которые необходимо совершить, чтобы стать Хранителем Врат. На бересте я начертал послание к матушке Эгле, в котором я объяснил причину моего возвращения в свой мир и почему я не навестил её и свою жену.

Я осознавал, что делаю больно своей жене Эе, исчезнув из этого мира и не повидав её. Но я никогда не любил её и согласился взять её в жёны только из-за долга перед своим родом, который не должен был прерваться. В свой мир я

вёл девушку, которую любил больше жизни. Она доверилась мне, и я был ответственен за её судьбу.

Факел я нашёл там, где его оставил. Если Марица бесстрашно следовала за мной по полутёмным развалинам древнего города, то Дарица вздрагивала от каждого постороннего звука и непрестанно крестилась и бубнила вполголоса молитву. Приказав крепко держать друг друга за руки, мы прошли через Врата под мои песнопения и очутились в моём мире.

Дома я повторно перечитал имеющуюся у меня книгу по истории, к которой прилагались берестяные тетради. В них я в своё время внёс известные мне родословные княжеских фамилий моего мира. После изучения этих записей я сделал вывод, что я побывал не в прошлом моего мира, а в какой-то иной действительности. Ни в труде греческих историков, ни в моих тетрадях не было ни слова о Рюриковичах. Тогда как прошло сто лет с того времени, как была нами переименована «Повесть временных лет». В нашем мире все нынешние князья должны были быть родственниками выдуманного нами Рюрика – прародителя. Но я нашел в своих рукописях всех кого угодно: Аскольдичи Древлянские, Огнемировичи Туровские, Всеславичи Суздальские, Рогволодовичи Полоцкие, Киевские князья рода Олегова, Тихомиловичи Вятчские, Годославовичи Черниговские и так далее.

Но не было Рюриковичей. Ни одного.

К сожалению, княжна Марица не смогла найти общий язык с моей матушкой Лиепой. Она стала злой и раздражительной. К тому же она носила в своём чреве моего ребёнка, что добавляло нервозности для неё. Она первая предложила мне уплыть из нашего селища, которое она называла ужасной языческой весью. У нас было её приданое, которое обеспечивало нам безбедную жизнь в любой христианской стране.

Я долго сопротивлялся, но в итоге согласился покинуть наши Любосты. Но я решил не уплывать куда-то за море, а перейти через Врата в другой мир. На стене возле врат находилось несколько рядов рисунков, каждый из которых являлся ключом в новые миры. Я перерисовал ряды символов возле тех Врат в мире Марицы, перерисовал значки на такой же стене в моём мире и несколько долгих зимних ночей просидел перед этими славянскими языческими символами, чтобы определить какую-либо закономерность в их нахождении в разных строках.

То, что каждая линия – это путь с иной мир, я понял давно. Мне было важно понять, какие куда направляют: какие в миры прошлого, какие в будущее. Я хотел перенестись в грядущее, так как верил, что в тех мирах давно отринули такие

человеческие пороки, как алчность и стяжательство, непомерная жажда власти, зависть, людская злоба и ненависть. Я был уверен, что в тех мирах повсеместно придерживаются десяти заповедям божьим. По порядку начертания символов в рядах я выяснил те, которые указывают путь в грядущее.

О своём замысле я рассказал Марице, которая загорелась такой перспективой перенестись в светлое будущее.

Я посвятил младшего брата Добреслава в тайну Врат и поведал ему, что решил покинуть вместе с женой этот мир через Врата.

Попрощавшись с матушкой и сестрой, мы с моей княжной перенеслись сюда, в этот мир.

К сожалению, этот мир оказался не столь совершенен, как мы с Марицей надеялись. На дворе стоял 7222 (1714**) год. Мы перенеслись на 600 лет в грядущее. Здесь правил Русский царь Юрий VII. Государство Русов простиралось от прусских немецких земель на западе, до далёкого Тихого океана на востоке. Держава славилась крепкой властью, сильной армией и флотом. Богатые и знатные люди славилась высоким образованием, но простой народ был хоть и грамотен, но пребывал в бедности и крепостной неволе.

Мы с Марицей купили себе село Боровое на сто пятьдесят душ в Двинской провинции, где прожили в любви и согласии пятьдесят лет, вырастили четверых детей и дождались первых праправнуков. Жили мы в достатке, но уединённо. Нам удалось восстановить княжеский титул Марицы под именем княгини Маномах. Я же, соответственно, стал величаться князем Маномахом. Я взял своё крещёное имя Дмитрий, более приличествующее русскому князю, и отчество Сергеевич. Имение мы покидали редко и общались только с ближайшими соседями – помещиками. Мы постарались, чтобы наши дети получили приличное образование и хорошо устроились по жизни.

По прошествии пятидесяти лет мы с женой осознали, что практически не состарились. Наши дети стали выглядеть старше нас. Это не осталось незамеченным нашими соседями. Возникли кривотолки и различные вымыслы. Даже наши дети и внуки стали как-то иначе глядеть на нас. Марица впала в глубокое уныние и упадок духа. Тогда я осмелился на безумный шаг: перенестись в другой мир и начать всё с начала. Мы с женой были молоды душой, здоровы и полны сил. Да и выглядели мы не старше сорока лет, а то и моложе. За пятьдесят лет мы с княгиней ни разу не болели. Мы не испытали даже неудобств лёгкого насморка. Нас легко можно было посчитать ровесниками наших тридцатилетних внуков. Таким же богатырским здоровьем и молодцеватым внешним

видом отличался и наш старший сын Владимир, зачатый ещё в мире Марицы и названный так в честь своего венценосного деда. На свои пятьдесят лет он также не тянул. Он и его тридцатилетний сын Григорий были похожи друг на друга, как близнецы.

Марица вначале горячо отвергла моё предложение, но большое горе изменило всё. Мой младший сын сильно простудился на зимней охоте, подхватил тяжёлую форму инфлюэнцы, слёг в постель и через две недели сгорел от болезни.

Мы с Марицей вдруг осознали, какое будущее ждёт нас. По всей вероятности нас, исходя из н отличного физическое состояние, ожидает печальная участь похоронить всех наших детей и, возможно, некоторых внуков. Это осознание решительно подвигло нас на решительные действия в пользу переселения в другой мир. Помимо этого, мы в какой-то момент чересчур расслабились во время близости, и Марица понесла. К тому времени княгине исполнилось шестьдесят четыре года и поэтому стать непраздной в такие годы по мнению нашего личного врача было решительно невозможно. Он сразу заявил, что сия весть устроит большой переполах в обществе. На нас и так стали косо смотреть и нас, однозначно, объявят колдунами или людьми, продавшими душу дьяволу за возможность сохранить молодость. Эта проблема стала последним аргументом и решающей причиной

исчезнуть из моего родного мира.

Счастье беременности сменилось бедой потери плода. Моя супруга оступилась, спускаясь по парадной лестнице и скатилась по её крутым ступенькам. В результате падения Марица случился выкидыш.

«Да воздастся нам за грехи наши!» – объявила моя княгиня, долгие вечерами отмаливая горечь потери.

Как и в прошлый раз, я оставил после себя наследника родовой тайны и посвятил Владимира в секрет Врат и историю его зачатия. Я наказал ему пройти инициацию в Хранители Врат в том случае, когда не будет иметь никаких сведений обо мне и матери в течение десяти лет. Детям же мы объявили, что едем в Киевскую Лавру на моления.

Я надеюсь, что мои потомки обнаружат среди других семейных документов эту мою рукопись и прочитают.

На сим я заканчиваю это повествование. Завтра утром мы с Марицей пройдем через Врата с надеждой наконец-то перенестись в Счастливую землю нашей мечты».

Пётр долго держал в руке печатный текст перевода на русский язык послания Целава из Любосты, осознавая прочи-

танное. Он впервые получил вещественное доказательство того, что не только я совершаю путешествия в другие параллельные реальности. Вторым откровением для меня стало сообщение Целава – Дмитрия о том, что он являлся одним из создателей мифа о призвании варяга Рюрика на княжение в Новгород и что он стал родоначальником правящей династии русских князей, с Рюрика «есть, пошла земля русская».

Анджан тщательно перелопатил все найденные в сундуке рукописи, но, к моему глубокому разочарованию, копии «Повести временных лет» я так и не нашёл. Эта копия летописи могла бы стать информационной бомбой мирового значения.

Сколько веков норманисты и их противники воюют друг с другом, защищая свою теорию о начале русского государства, а тут такой документ и дневник соавтора летописи. Вот те и другие офигели бы, узнав, что все эти псевдооснователи Руси Киевской: Рюрик, Трувор и Синеул – всего лишь сказка, сочинённая двумя людьми. И что вся эта «Повесть» всего лишь очередная историческая байка, сочинённая в угоду правящего клана. Но не задалось. Копия летописи отсутствовала среди найденных бумаг. Или Целав взял её с собой в путешествие, или спрятал в каком-то другом месте.

А сколько русских и зарубежных историков, писавших

свои «великие труды» и получавшие по ним научные звания, награды и премии, узнали бы, что они создали свои нетленки, основываясь на элементарном историческом подлоге. Как они визжали бы, что этот дневник – откровенная фальшивка и подлая инсинуация. Подлинность рукописи никогда и ни за что не признали бы ни норманисты, ни их противники.

Вообще-то Пётр и без дневника Целава из Любосты давно задавался себе вопросом, как на основании летописей можно строить научную теорию образования Русского государства. Так можно по любому художественному произведению на историческую тему создавать научную теорию. Или фильмы, созданные в Голливуде, рекламировать под грифом: «Создано на реальных событиях». А чем известные летописи отличаются от тех произведений или фильмов? Да ничем!

Оригинала Несторовской летописи и её предшественников никто из историков никогда не видел. Все летописи являются переписанными многократно сводами, выполненными спустя четыреста – пятьсот лет после описываемых событий. Кто знает, чего дописали многочисленные переписчики, сколько поправок, выгодных власти держащим, внесено в эти документы, да ещё прошедшие через руки поляков, тех ещё сказочников и русофобов. Что тут говорить о средних веках, если даже в XX веке исторические факты искажались

и переписывались многократно. Да и теперь, в век интернета, успешно фальсифицируются.

Держа в руках рукопись моего средневекового земляка, Петра не оставляло чувство, что он упустил в ней что-то важное. Что-то его зацепило в дневнике. Анджан ещё раз перечитал машинописный текст перевода и нашёл это «что-то».

Писатель пересказал предание об основателе рода. И Петра тут же осенило: «Это же дед Марты Берг. Ну конечно! Корлис Врачеватель, сын Медведя, или, как он сам себя называл: Карл, сын Бера (Медведя). Это же Карл Берг! Летоисчисление же его рода ведётся от 1942 лета: года переноса Берга из своей реальности в мир матушки Эгле. Значит, вот куда занесло главу семьи Берг!»

После осознания этой истины Пётр вернулся к другим бумагам, найденным возле входа в Портал. Когда он разложил все рукописи по языкам их написания, то осознал, что заполучил ценнейший архив, включающий, в том числе стопку бумаг, написанных на неизвестном языке и на непонятной бумаге, по фактуре больше смахивающей на пластик. Он сканировал один из текстов и загрузил в универсального переводчика. Программа не смогла идентифицировать язык этого текста.

Пётр заполучил ещё целую кипу свитков и тетрадей, писанных на латыни. Каждый манускрипт сопровождался сопроводительной записью, разъясняющей тему работы и первоисточник. Он отыскал и каталог всех находившихся в сундуке документов. Пробежав глазами по латинским заголовкам и подсчитав их количество, Анджан понял, будет всё это переводить до второго пришествия.

Пётр сложил все бумаги в картонные коробки и решил нанять специалиста по древним языкам в мире 1918, где большинство таких российских спецов больше заняты проблемами выживания, чем наукой. Поисками нужного специалиста Пётр и занялся, не откладывая дело в долгий ящик. Через интернет в своём мире он подобрал несколько кандидатур, живших в начале двадцатого века, а переместившись в мир 1918 года, уговорил одного мятежного русского историка и филолога Михаила Михайловича Богословского взяться за перевод архива. Сей учёный муж большевистский переворот не принял и своих антисоветских взглядов не скрывал. За это он был уволен с должности профессора Московского университета и попал в чёрные списки неблагонадёжных. Оставшись не удел, профессор недолго раздумывал над предложением Петра и согласился не только взяться за перевод документов, но и временно переселиться с семьёй и прислугой в Двинск, в квартиру Петра на Петербургской улице, дом 36.

Я оставил профессору весь свой архив, писанный на древнеславянском и на латыни. В виде аванса я оставил учёному изрядную сумму золотыми и бумажными царскими рублями, а также солидный запас консервированного мяса и рыбы, муки и всевозможных круп. К этому времени на территории бывших западных губерний России закончились боевые действия, установился мир. Осенью 1918 года образовалось новое государство – Латвийская Республика. Поэтому за безопасность профессора и его семьи я не опасался.

*Рша – древнерусское название белорусского города Орша.

**Примечания автора